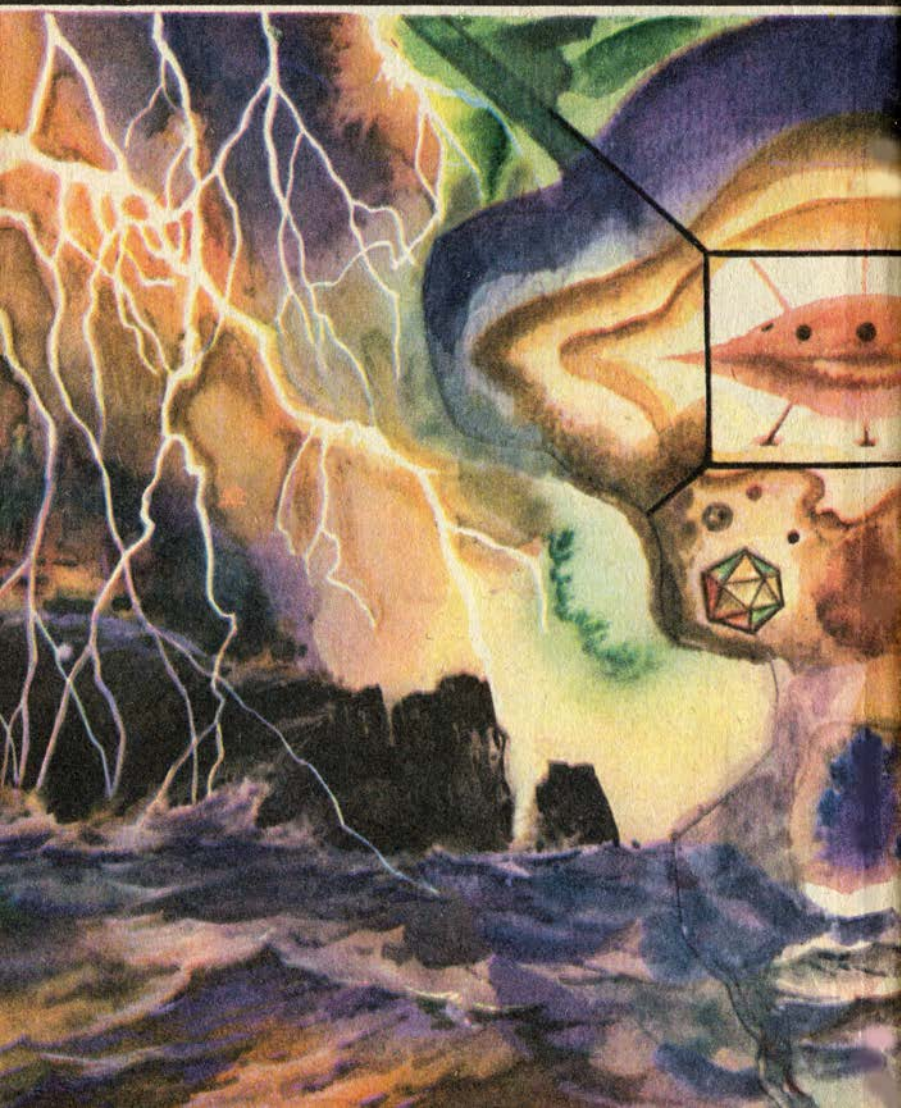

Игорь ПОДКОЛЗИН — Остаюсь с кораблем
Евгений ГУЛЯКОВСКИЙ — Долгий восход на Энне
В. МАНВЕЛОВ — Тени над Гималаями

Цена 60 коп.

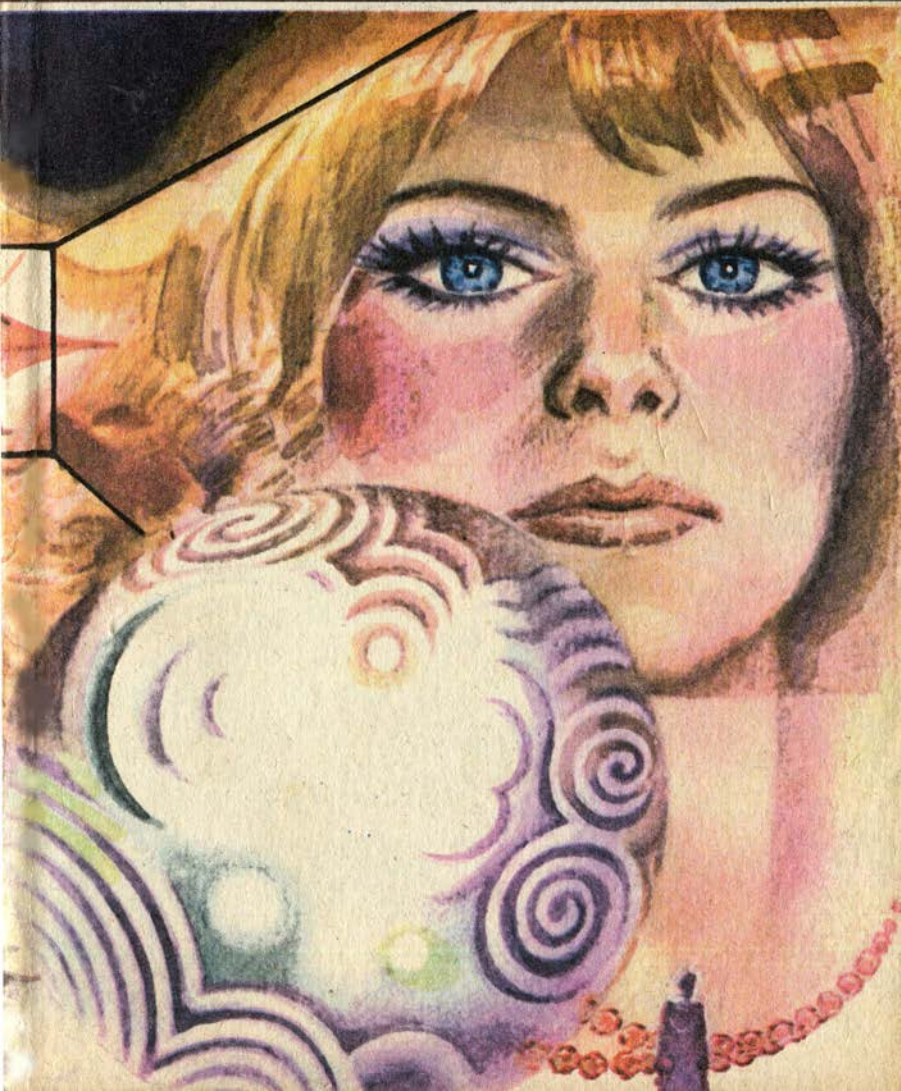

И

Скатель 3

3

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1984

• Евгений Туляковский?

Фантастическая повесть

Заседание Совета внеземных поселений закончилось поздно ночью. Ротанов попросил остаться троих: капитана экспедиционного крейсера Торсона, известного физика-пространственника Элсона и своего заместителя Павла Крамова. Разговор предстоял нелегкий и слишком важный. После трехчасового непрерывного заседания все устали, и Ротанов перешел прямо к делу:

— Решением Совета создана особая экспедиционная группа. Как командир этой группы я уполномочен познакомить вас с некоторой дополнительной информацией. Когда «Каравелла» закончит погрузку, мы стартуем в район Архелона сто двенадцать. Задача экспедиции — выяснить, что собой представляют так называемые «Пузыри антипространства».

— Есть ли дополнительная информация о «Черных кораблях»? Почему в официальных отчетах их упрямо называют «Пузырями антипространства»? — спросил Торсон, и по его недовольному тону Ротанов понял, что собой представляет так называемые «Пузыри антипространства».

— Разрешите мне? — Элсон уже рвался в бой, но Ротанов остановил его движением руки, не желая быть втянутым в долгий научный спор.

— Собственно, не в названии суть. Есть предположение, что внутри этих образований находится вакуум иного мира. Не берусь судить, насколько это предположение обоснованно. Тех, кого интересует научная сторона вопроса, прошу ознакомиться с отчетом специальной группы экспертов. Сейчас сообщу лишь самую суть. «Пузырь», или «Корабль», представляет собой шар, иногда эллипсоид с абсолютно черной поверхностью, поглощающей все излучения. Размеры эллипсоида от трех до сорока метров в поперечнике. При соприкосновении с таким шаром любая материя нашего мира начинает медленно, без выделения энергии растворяться, исчезать. «Пузыри» способны произвольно менять траекторию и скорость полета. Некоторые ученые считают их управляемыми энтропийными бомбами с автоматической наводкой на цель.

— Это полная чепуха! — не выдержал наконец Элсон. — Хотя уровень энтропии в районе контакта действительно повышается, это скорей всего следствие неизвестных нам физических процессов, сопровождающих растворение материи «Черными пузырями».

— Возможно. Сейчас бесспорно одно — мы не можем игнорировать их появление в нашем мире. Они представляют слишком большую опасность. Мы были вынуждены срочно эвакуировать уже два наших поселения. Разведка установила примерные маршруты «пузырей».

Он включил демонстратор, и на стене перед ними вспыхнуло звездное небо. Стрелка, перечекинув рукав Галактики, уперлась в крошечную одинокую звездочку.

— Это Архелон сто двенадцать. Судя по его положению в пространстве, он не принадлежит к нашей Галактике, скорей всего это гость откуда-то извне.

— Когда его обнаружили?

— Собственно, он мог быть на этом месте сколь угодно долго. Мы не можем следить за всеми окраинными звездами Галактики. На старых фотографиях звезда выглядит точно так же. На нее обратили внимание лишь после того, как стало ясно, что трассы большинства известных нам случаев вторжения «Черных пузырей» в нашу Галактику могут быть сведены к этой точке.

Стрелка на стене качнулась и обежала вокруг Эпсилона.

— Известны ли какие-нибудь способы борьбы с «Черными

пузырями»? Что мы будем делать, если они нападут на «Каравеллу»?

— Мощный импульс достаточной концентрации энергии способен погасить «Черный пузырь».

— Почему «погасить»?

— Потому что взаимодействие «пузыря» с энергетическим ударом протекает без взрыва. Энергия поглощается, «пузырь» уменьшается в размерах и, если импульс был достаточной мощности, исчезает вовсе. Но я хочу вам напомнить, что задача нашей экспедиции только разведка, и ничего больше. Мы не должны вступать в контакт с «Черными пузырями». При их незначительной скорости в пространстве этого не так уж трудно избежать.

— Разведку могли бы провести и автоматы, — недовольно проворчал Торсон.

— Вы правы, но данные автоматической разведки совершенно неудовлетворительны. Из десяти зондов, запущенных в район Эпсилона, вернулся лишь один. Его записи практически не поддаются дешифровке. Очевидно, автомат побывал в зоне какого-то неизвестного нам излучения. Эпсилон вообще довольно странная звезда. Если верить расчетам, там должна быть двойная звездная система. Но второй звезды так и не удалось обнаружить. Ждать мы больше не можем. Только что произошло нападение «Черных пузырей» на нашу колонию на Дзете. Были жертвы. Совет по моему предложению принял решение об отправе нашей экспедиции.

С некоторыми героями повести «Долгий восход на Энне» читатели уже встречались в фантастическом романе Е. Гуляковского «Сезон туманов», первая часть которого под названием «Белые колокола Реаны» была опубликована в «Искателе» № 6 за 1980 год. Именно там автор впервые использовал фантастическую идею Хронара — механизма, созданного могучей инозвездной цивилизацией рэнитов и способного отбрасывать в прошлое целые миры.

Рэниты пользовались Хронаром для того, чтобы вернуть время, затраченное на дальние межзвездные перелеты. Однако эксперименты со временем приводили к печальным последствиям, к катастрофам, сыгравшим в конце концов немалую роль в гибели самой рэнитской цивилизации.

Человечество нашло свой собственный безопасный путь к звездам и постепенно расселилось на многих удаленных от родной планеты мирах. Инспектор службы внеземных поселений Ротанов, столкнувшись с загадкой Хронара, старается ликвидировать катастрофические последствия его использования.

Повесть «Долгий восход на Энне» печатается с сокращениями. Полностью она будет опубликована в будущем году в серии «Библиотека советской фантастики» издательства «Молодая гвардия».

Архелон вспыхнул на носовых экранах ослепительным голубым шаром сразу же, как только автоматы закончили стандартную процедуру выхода из оверсайда. Пространство вокруг этой удаленной от галактических рукавов звезды выглядело совершенно пустым. Лишь кое-где просматривались пятнышки далеких туманностей и галактик.

Звезда казалась слишком уж обычной. Голубой гигант второго класса. У таких звезд, как правило, не бывает даже планет. Но первое впечатление не подтвердилось. Планета все же была. Крохотный черный шарик неожиданно выкатился из-за края звезды. Ни один из автоматических зондов, запущенных в сторону планеты, не вернулся, и Ротанов решил подойти поближе. Это было ошибкой. То, что они приняли за планету, оказалось куполом свернутого пространства, скрывавшего в себе целую звездную систему. Теперь они знали, почему не возвращались из этого района корабли-разведчики и автоматические зонды. К сожалению, знание пришло слишком поздно. Всей мощности двигателей «Каравеллы» оказалось недостаточно, чтобы вырваться из гравитационной ловушки.

Внешне все выглядело как обычно. Сменяли друг друга вахты, едва слышно свистели двигатели, работавшие на форсаже, и только взбесившиеся стрелки гравиметров показывали, что внизу под ними лежала бездна, с трудом поддающаяся анализу, пониманию... Звезда, убившая сама себя, сжавшаяся до размеров планеты, скрутившая пространство так, что оно изменило почти все свои физические свойства. Корабль беспрестанно бросало из стороны в сторону. «Каравелла» находилась еще далеко от поверхности самого купола, она еще боролась, но мощности работавших на пределе двигателей хватало лишь на то, чтобы удерживаться на внешней орбите.

Выход был один — уменьшить массу корабля на треть. Тогда, как показывали расчеты, двигатели смогут вырвать корабль из объятий умирающей звезды.

Пожертвовать можно было только планетарным экспедиционным комплексом. Но это обрекало всю экспедицию на полную неудачу. Земля напрасно ждала бы ответов на свои вопросы. А где-то здесь, совсем близко, находилась база «Черных пугалей». Таинственный центр, направлявший их полеты к границам Земной федерации. После того как приборы в очередном разрыве пространства засекли под ним вращающуюся вокруг коллапсирующей звезды планету, Ротанов уже не сомневался, что управляющий центр, если он вообще существует, может находиться только здесь.

Времени для раздумий не оставалось, решение необходимо было принять немедленно, и Ротанов собрал на последнее корабельное совещание свою особую группу. В немногих словах познакомив людей с создавшимся положением, он предложил всем высказаться. Первым заговорил Павел:

— Шлюпка, опустившаяся на планету при такой гравитации, не сможет уже никогда вернуться. Да и «Каравелла» не сможет нас ждать.

— «Каравелла» и не станет ждать, — сказал Ротанов. — Одного корабля все равно недостаточно. Придется вызывать флот. Но к тому моменту, когда флот начнет прорыв, мы долж-

ны точно знать, что собой представляет наш противник и что тут вообще происходит. Таким образом, наша группа будет десантом.

— Откуда эти военные термины? Мы не знаем, что там такое внизу. Может быть, неизвестное нам приходное образование.

Ротанов помолчал, словно впервые задумался о такой возможности, потом отрицательно мотнул головой.

— Слишком много противоречий.

— Здесь я с вами полностью согласен, — решительно вмешался Элсон. — На обычную «черную дыру» находящееся под нами образование не похоже. Гравитационный коллапс обычно происходит мгновенно. Для внешнего наблюдателя поверхность свернутого пространства совершенно непроницаема. Здесь все иначе... Создается впечатление, что процесс схлопывания системы в одну точку искусственно приостановлен. Пространство местами не замкнуто. В нем есть разрывы. Ни с чем подобным нам еще не приходилось сталкиваться. Действительно, слишком много противоречий. Создавать эти самые противоречия может лишь разум.

Несколько секунд все молчали, обдумывая услышанное.

— То есть ты за то, чтобы садиться? — спросил механик шлюпки, навигатор второго класса Фролов.

— Я просто не понимаю, как можно в этих условиях не садиться!

— Ну, значит, и будем садиться, — проворчал Фролов. — Не выбрасывать же впустую весь планетарный комплекс. С нами или без нас, шлюпка все равно должна покинуть корабль.

— Можно попробовать, но лишь в том случае, если быть уверенным, что флот сможет к нам пробиться.

— Флот сможет, — жестко сказал Ротанов.

Глава 1. ОСТРОВ

Планета надвигалась. Когда высота упала до десяти тысяч метров, шлюпка оказалась в сплошной пелене облаков и шла в красноватом тумане не меньше двух часов. Затем облака разошлись, и они увидели под собой океан. Свинцово-серый, неподвижный, он лежал под ними во все стороны до самого горизонта и казался таким же мертвым, как весь этот мир. Внизу ничего нельзя было рассмотреть, и поэтому, когда мелькнуло темное пятно, испещренное как оспинами зеленоватыми проплетшинами, они не сразу поняли, что под ними остров.

Ротанов положил шлюпку в крутой вираж, стараясь не потерять этот крохотный клочок суши.

Они выбрали площадку недалеко от берега. Заросли, отступившие в этом месте, образовали темно-фиолетовую излучину, на добрый километр отстоящую от воды. На последнем вираже перед посадкой шлюпка пронеслась над самой поверхностью низкорослых, словно сплюснутых деревьев, жавшихся друг к другу. Не было видно ни тропинок, ни просек.

Долго рассматривали глухие заросли, обступившие шлюпку. Автоматы закончили анализы. Но они все медлили, все не реша-

лись откинуть колпак кабины и ступить на поверхность этой планеты, с которой уже не было для них обратной дороги.

— Климат как в тропиках. Двадцать семь градусов. Воздух пригоден для дыхания, нет ядовитых газов, опасных микробов тоже. Не планета — сад.

— Да, только солнце забыли повесить. — Фролов сердито щелкнул замком, и колпак кабины откинулся.

Казалось, планета навсегда застряла где-то между рассветом и вечерней зарей. Розоватый неформинившийся робкий свет струился с небосвода, и, постояв несколько минут неподвижно, можно было ощутить, что странная чужая ночь не лишена своеобразного очарования.

— Почему небосвод излучает этот свет? — спросил Фролов. — Здесь же нет ни звезд, ни спутников — ничего.

— Это остаточный свет Архелона, — пояснил Элсон. — Планета, очевидно, находится внутри гравитационного купола звезды.

— Почему же мы не ощущаем чудовищных гравитационных полей?

— А разве на Земле ощущается притяжение Солнца? Планета находится на устойчивой орбите, в этом все дело...

Им предстояло пройти до берега моря метров пятьсот, пересячь узкую полоску зарослей. Растянувшись цепочкой, они медленно пошли к морю. Метров через двести заросли кончились и открылась узкая полоса пляжа. Они долго слушали, как шипит прибой, набегаая на песок. Элсон разочарованно сказал:

— Даже звук волн здесь необычный, прибой не плещется, не бормочет, как на Земле, он почему-то шипит.

Фролов подставил набегающей волне ногу.

— Отойди, — сказал Ротанов. — Ты ведешь себя как ребенок. — По опыту он знал, что на чужих планетах, как правило, наиболее враждебным и опасным оказывалось то, что с виду выглядело безобидным.

И тут, словно подтверждая его опасения, сзади послышалось странное цоканье. Будто кавалькада маленьких коней мчалась к побережью по дорожке, по которой они только что прошли. Но это были не кони. Водная поверхность океана отражала достаточно света, и они хорошо разглядели странное животное, показавшееся на краю зарослей. Толстые трубы ног или щупалец отходили от продолговатого овального тела сначала вверх, а потом, изогнувшись широкими дугами, упирались в землю. Ног было шесть или восемь. То, что им показалось вначале маленьким туловищем, скрытым за ритмично мелькавшими ногами, оказалось всего лишь головой, прикрытой блестящим панцирем, в вырезе которого светились четыре глаза. Увидев группу людей, животное замедлило свой бег и шагах в двадцати остановилось совсем. Три бластера поднялись как по команде. Никто не двинулся. Вдруг животное, широко расставив ноги, повернулось к ним боком, и только теперь они заметили всадника... Выпрыгнув из удобной лодочки седла, привязанного на спине у животного, стройный и гибкий юноша неторопливо пошел им навстречу.

— Уберите оружие, — негромко приказал Ротанов, и стволы бластеров послушно опустились.

С каждым шагом спешившегося всадника их изумление возрастало все больше. Сначала они видели лишь общие контуры

его фигуры, но затем смогли рассмотреть бледное, слегка вытянутое худое лицо, одежду, весьма похожую на старинный расшитый кафтан, широкий и тоже расшитый узорами пояс.

— Это гуманоид, — тихо проговорил Павел.

Ротанов сразу же возразил:

— Слишком большое сходство с нами. Или его отдаленные предки родились на Земле, или... — Он не договорил, но Павел, хорошо помнивший «Гидру», понял: или копия человека, биоробот...

— «Та, что прячет свое лицо» приветствует вас, чужестранцы. — Голос юноши, искаженный киберлингвистом, звучал словно бы у них за спиной, из рюкзаков, набитых снаряжением.

Никто не двинулся, не произнес ни слова, слишком буднично, по-земному прозвучали эти слова, несмотря на странное имя передавшей им это приветствие. Они знали, что в тех случаях, когда в словарном запасе нет подходящего слова, лингвист подбирает наиболее близкое по значению словосочетание, и, возможно, от этого имя прозвучало так длинно.

Они все никак не могли прийти в себя от этой встречи. Прорваться сквозь барьер свернутого пространства, провалиться на дно гравитационной бездны... и такая вот встреча. Им даже не удивились, за ними послали гида, пажа, слугу... Кто он на самом деле? Каким образом узнал о них? Почему в его поведении нет ни страха, ни удивления? Словно их здесь ждали.

— Кто она, «Та, что прячет свое лицо»? Жрица? Предводительница вашего племени? — спросил Ротанов.

Посланец сделал вид, что не расслышал вопроса или не понял.

— «Та, что прячет свое лицо» приглашает вас принять участие в празднике, — проговорил посланец.

— Ты что-нибудь понимаешь? — прошептал Фролов, и Ротанов вдруг неожиданно для себя усмехнулся.

— Так уж обязательно сразу все понимать? Ты же слышал: нас приглашают на праздник. Вот и пойдем посмотрим, что это такое.

Словно удовлетворившись этой фразой, юноша повернулся и медленно, не оглядываясь, пошел к своему чудовищному коню.

Глава 2. ГЛАДИАТОР

Становилось светлее. Вид зарослей менялся. Теперь это были низкие пушистые кусты, ветки которых напоминали перья дикоптичных птиц. Сами кусты больше не закрывали пространство впереди, и там как-то сразу открылся далекий простор, заполненный точками синих бегучих огней. Цепочки этих голубоватых огней перестраивались на ходу и все вместе двигались в ту же сторону, куда шел их отряд.

Тропинка, идущая между холмов, стала забирать круто вверх. Они шли уже больше часа, и их проводнику время от времени приходилось останавливаться и поджидать порядком уставших людей.

Тропинка петляла теперь по дну ущелья. Наконец его стены раздвинулись, и они очутились на широкой ровной площадке,

окруженной с трех сторон почти отвесными скалами. В самом центре на небольшом возвышении, укрытом не то ковром, не то шкурой какого-то животного, сидел непомерно толстый человек. Рядом с ним горели костры. Видимо, местные растения были перенасыщены эфирными маслами, потому что костры вспыхивали синеватым прозрачным пламенем, почти совсем не дававшим света, словно горел не хворост, а спирт.

В освещенное кострами пространство вошли люди с факелами, и все повернулись к прибывшим. Грузный человек с проворством, какого трудно было от него ожидать, вскочил на ноги и шагнул навстречу гостям.

— Чужестранцы! — воскликнул он с радостью. — Нам не хватало для праздника чужестранцев! Сажайте их на самые почетные места! — Он взял Ротанова за локоть, безошибочно определив в нем главного, и увлек за собой на помост. — Я правитель этой страны, и я заверяю вас, что вы прибыли в доброе время. Будут пиры. Будут забавы и игрища. Будет и змееборство.

— Змееборство тоже? — спросил несколько опешивший Ротанов.

— Пренебреженно, какое же игрище обходится без змееборства?

— А змеи... настоящие?

— Самые доподлинные. Вы каких предпочитаете? Есть плавучие, летучие, бронеголовые, плюющие ядом, есть просто шипящие, но обладающие дурным глазом.

— Я предпочел бы обойтись без змей. Видите ли, я не специалист по змеям...

— Жаль! В этом деле лучше быть специалистом квалифицированным.

Правитель хлопнул в ладоши, кто-то за их спиной ударил палицей в тяжелый медный круг, и протяжный, отраженный скалами звук поплыл по ущелью вниз, туда, откуда слышался гул приближающейся толпы.

— Пока готовят первое испытание, поведайте мне о дальних странах и удивительных делах, коим вы свидетелями были.

Все выглядело так, словно их тут ждали. Усмехнувшись, Ротанов поведал правителю о могучем звездолете, о «черной дыре», в которую проваливается весь этот мир вместе с предстоящим празднеством, о множестве обитаемых миров, расположенных на далеких звездах, и о земной федерации, расселившейся на многих планетах. Правитель слушал его внимательно, кивал головой.

— Далекие поселения — это хорошо. У нас тоже есть поселения на дальних островах. — Лицо его приняло задумчивое выражение. — А что такое звезды, чужестранец?

Ротанов объяснил.

— Ты хочешь сказать, что за небесной твердью мир не кончается, что там есть другие острова?

— И острова и моря. Там живут другие народы, светят другие солища.

Правитель нахмурился.

— Не рассказывай этого никому, чужестранец. Тебя могут здесь не понять. У нас иные законы, свое представление о ми-

ре. Наш мир устроен просто. Небесный шар, внутри которого мы живем, висит на серебряной цепи, и за ним уже нет ничего. Впрочем, там живут еще боги... Надеюсь, ты не бог?

— Богов я там не встречал, впрочем, попадаются кое-где существа, могуществом похожие на богов.

Сделав вид, что не расслышал последних слов Ротанова, правитель повернулся к одному из стражей, поманил его. Страж нагнулся, выслушал какое-то приказание, поклонился и тут же исчез. Из толпы вышли вперед бородатые люди, с тяжелыми бронзовыми щитами в руках; они поставили щиты на песок вплотную друг к другу, образовав кольцо непроницаемой ограды, отделившей центр площади вместе с помостом и возвышением от остальной толпы.

Ротанову не понравились эти приготовления, и он стал искать взглядом своих спутников. Там, где они сидели, все было спокойно. Ротанов видел, как им подносят какой-то напиток и Элсон решительно отказывается отведать его.

К возвышению подошел обритый наголо человек в простой полотняной одежде, перепоясанный кушаком. По его аскетическому лицу и гордому взгляду, по тому, что этот человек не склонился перед правителем, Ротанов заключил, что он занимает высокое положение в здешнем обществе. Правитель поднялся ему навстречу, и они отошли на край помоста, оставив Ротанова одного. Воспользовавшись этим, Ротанов незаметно повернул браслет с транслятором универсальной связи в сторону костра, у которого сидели его спутники, и тихо спросил:

— Фролов, ты слышишь меня?

— Да, командир.

— Вызови шлюпку и переведи ее поближе, она вскоре может понадобиться.

— Я уже пытался, командир. Сигналы не проходят. Нет связи. Похоже, сели батареи передатчиков.

— Только этого нам не хватало... Будьте наготове. По-моему, здесь что-то затевается. Держите трансляторы включенными. По моему сигналу все вместе будем пробиваться к выходу. Оружие применять запрещаю, что бы ни случилось.

— Все понял, командир, сделаем.

В центр круга, освещенного синим пламенем костров, вошло четверо воинов. Ротанова удивило, что у них нет никакого оружия. И лишь теперь он заметил, что и все воины на помосте, и те, кто образовал круг, вооружены только щитами. Это его несколько успокоило. Но тут же он увидел, что один из воинов положил между кострами тяжелую связку оружия. Там были двуручные мечи, боевые топоры, палицы и копья с широкими зазубренными наконечниками.

Снова раздался удар гонга. В верхней части ущелья послышался тяжелый топот. Воины отделили толпу и образовали узкий проход. В полумраке Ротанов увидел какую-то приближающуюся темную массу.

— Есть ли среди вас тот, кто хочет помериться силой с дроном?! — закричал глашатай с противоположной стороны, и почти сразу же из толпы выпрыгнул в центр круга коренастый человек. Толпа приветствовала его восторженными криками. Че-

ловек пригнулся, чуть расставил руки, в которых не было никакого оружия, и застыл. Толпа тоже замерла, шум стих, и отчетливо стал слышен тяжелый топот несущегося вдоль ущелья зверя...

Теперь Ротанов наконец разглядел его. Животное было похоже на носорога. Тупорылая голова заканчивалась костяным панцирем и четырьмя острыми выростами — не то рогами, не то клыками.

Выскочив в центр освещенного круга и увидев стоящего у него на пути человека, животное издало хрипкий низкий визг и, не снижая скорости, бросился на смельчака. Казалось, гибель человека совершенно неминуема, но, когда острые рога уже почти вонзились воину в живот, он сделал едва уловимое, очень точное, почти изящное движение в сторону, и дрон промахнулся. Толпа восторженно взревела.

С разбегу животное ударилось в бронзовую стену щитов. Воины, державшие щиты, не устояли, в стене образовалась брешь. Но зверь не расположен был убегать, хотя мог бы теперь это сделать. Подавшись назад, он развернулся и снова бросился на своего противника. Все повторилось, но теперь воин, отклонившись, успел нанести молниеносный удар вытянутой рукой в щель между костяными пластинами на голове животного, где, видимо, был расположен какой-то нервный центр. Животное заревело от боли и ярости. Вновь раздался тяжелый удар в щиты, и вновь распалась живая стенка. В облаке пыли несколько секунд ничего не было видно, но почти сразу же вновь появился дрон. Подбежав к воину, он неожиданно резко изменил направление. Человек не сумел полностью избежать удара, и хотя он укло-

нился от острых клыков, удар бронированной головы животного отбросил его в сторону. Воин упал и остался лежать неподвижно. Дрон опять налетел на щиты и начал медленно разворачиваться, чтобы окончательно разделаться с противником.

— Неужели никто ему не поможет? — спросил Ротанов.

— Это запрещено. Но наши правила не распространяются на чужеземцев...

Ротанов понял, что имел в виду предводитель. Движением плеч он сбросил на землю рюкзак со снаряжением, сковывавшим движения, выхватил бластер и прыгнул вниз. Толпа мешала ему прицелиться, и потому, раздвинув воинов, он бросился на арену. И вовремя: зверь уже пригнул свою широкую толстую морду, его клыки задевали землю, и нетрудно было представить, что ждет неподвижно лежащего беззащитного человека. Мгновение — и Ротанов очутился между зверем и его жертвой, вскинул бластер, нажал спуск, но вместо синего луча плазмы бластер выплюнул сгусток красноватого пламени. Огненный шар ударил в бок животного, опалил шерсть, но не причинил ему ощутимого вреда. Взревев, зверь бросился на нового противника. Ротанов жал и жал на гашетку, но повторного выстрела не было.

Ротанову оставалось одно — применить ту же тактику, которую использовал его предшественник. Вот когда пригодились долгие часы занятий в гимнастическом зале. Ротанов прыгнул, и зверь пронесся мимо. Кольцо зрителей наградило его восторженными криками. Но он не собирался и дальше разыгрывать роль гладиатора. Нужно было что-то немедленно предпринять, пока не вмешались остальные члены экипажа, и тогда уж в общей свалке кто-нибудь обязательно пострадает. В себе он был уверен, к тому же универсальный защитный костюм, который он не снимал с той минуты, как покинул корабль, обладал замечательным свойством: в случае любого внешнего воздействия он мгновенно превращался в монолитную броню. Но лишь в том случае, если не села энергетическая батарея.

Ротанов нагнулся, выхватил из кучи оружия узкое, голубовато блеснувшее лезвие, длинное, с удобной рукояткой. На уродливой, покрытой наростами голове зверя отчетливо была видна щель между костяными пластинами. Ротанов успел сделать выпад, как в фехтовальном зале. Лезвие почти без сопротивления вошло в щель. В ту же секунду страшный удар отбросил его в сторону...

Глава 3. СВИДАНИЕ

Стены комнаты, в которой лежал Ротанов, были сложены из толстых стеблей местных трав. Они и пахли соломой. А может быть, аромат сухой травы шел от мягкой подстилки. Он пришел в себя несколько минут назад, чувствуя покой и легкость, какие всегда приходят после приема дезина. Не торопясь, внимательно осмотрелся. Стены, пол, легкая мебель в комнате — все было сделано из круглых стеблей. После того удара на арене прошло, очевидно, немало времени. Он смутно помнил чьи-то руки, снимавшие с него защитный костюм, менявшие повязки. Руки помнил, а вот лица человека, который ухаживал за ним, в памяти не осталось.

Он решительным движением сел на своем ложе. Боли не было, но резкая слабость не дала встать на ноги. Закружилась голова, он оперся о стену, пытаясь подняться, и в этот момент услышал шаги. Скрипнув, дверь медленно открылась. Вошла женщина. Ее лицо скрывала плотная, непроницаемая вуаль. В толпе перед поединком он видел немало женских лиц и отметил про себя, что здесь это не обязательное для всех правило — ходить с закрытым лицом.

Заметив, что он сидит на постели, женщина резко остановилась, дымящаяся жидкость из чаши в ее руке выплеснулась на пол.

— Не бойся меня, я хотел лишь узнать....

— Почему я должна тебя бояться?

— Кто ты?

— Меня называют здесь «Той, что прячет свое лицо». Правила запрещают мне разговаривать с чужестранцами. Сейчас я позову твоих друзей.

— Подожди! Мне надо спросить у тебя!

Она отрицательно покачала головой:

— Время еще не пришло. Скоро ты все узнаешь.

Женщина поставила чашу на столик и поспешно направилась к двери. Ее мелодичный и несколько печальный голос еще звучал у него в ушах, когда дверь вновь отворилась. В комнату вошли все четверо, весь его экипаж. Они так шумно радовались выздоровлению Ротанова, так преувеличенно бурно и весело рассказывали о теплом приеме, оказанном им местными жителями, что Ротанов заподозрил неладное.

— Хватит. Выкладывайте, что произошло?

— В сущности, ничего особенного. Тебя неделю лечили универсальным дезином. Элсону пришлось порядком повозиться, чтобы срastить перебитые кости. Ты был без сознания, как всегда бывает при этом лечении.

— Как лечат дезином, я знаю не хуже вас. Что произошло, пока я был без сознания? Кто эта женщина?

— Отношения с борейями, так они себя называют, сложились просто прекрасные...

— Что случилось со связью, со снаряжением? Скажете вы мне наконец, что произошло, или будете продолжать эту детскую игру?

Отстранив Павла, вперед вышел Фролов.

— Дела, в общем, неважные, капитан. Мы полностью лишились связи и практически всего нашего оборудования. Все батареи вышли из строя. Рации и оружие не действуют. Защита тоже. Почему это произошло, неизвестно. Батарей в полном порядке, но даже загерметизированный аварийный комплект не держит энергии. У Элсона есть теория на этот счет, но никакая теория не вернет нам энергию. Мы практически беззащитны...

— И в этих условиях, как ты понимаешь, мы вынуждены были пойти на некоторые уступки местным обычаям, — перебив Фролова, вновь заговорил Павел, и по ухмылке, которую он изо всех сил старался сдерживать, Ротанов опять заподозрил что-то неладное. — Нам пришлось заключить с нашими хозяевами определенный договор...

— Что за договор?

— У этого племени много странных законов...

— У каждого народа свои законы, продолжай, не таяни.

— Ну после твоей победы над дроном ты стал чем-то вроде местного героя, и вот чтобы доказать свою лояльность, свои добрые намерения в отношении народа племени бореев, мы вынуждены были согласиться на твою свадьбу...

— На мою что?

— Ты, главное, не волнуйся, это чисто символический обряд, после которого мы все вместе с тобой автоматически становимся как бы членами племени... Понимаешь, в конце празднества, видеть которое ты уже, естественно, не мог, королева праздника выбрала тебя своим женихом.

— Так... Прекрасные новости... В моем согласии, естественно, не было никакой необходимости.

— Ты ведь был без сознания.

— Ну да, конечно, извини, я забыл.

— Поэтому мы за тебя дали согласие на этот, я повторяю, чисто символический обряд. Через час после свадьбы невеста исчезнет.

— Как это исчезнет?

— Вот этого я, признаться, не понял. Местный жрец говорит нечто чрезвычайно туманное о змеборстве, о похищении. У них вообще масса мистики. Да это и не так уж важно. Главное мы выяснили: жить с этой женщиной ты не обязан и в дальнейшем можешь даже жениться на другой, если тебе захочется.

— Я вижу, вы вовсю занимались устройством моей личной жизни. Так куда же все-таки денется невеста после свадьбы?

— Ну не знаю, не знаю! Жрец говорит, что ее похитят.

— У них всех невест похищают или мой случай особый?

— Нет, не всех. Раз в год на празднике дрона, героем которого ты изволил стать, между прочим, по собственной инициативе, королева праздника выбирает себе жениха. Жених не может увидеть даже лица своей нареченной. Через час после свадьбы он с ней расстается навсегда. Естественно, от этого выбора нельзя отказаться. Не полагается по их законам. Это было бы смертельным оскорблением, так что мы сочли за лучшее для всех нас от твоего имени дать согласие.

— Ну хорошо. Допустим. Тут я кое-что уразумел. А что вы еще выяснили за эту неделю? Кто они, эти бореев? Откуда взялись на планете? Как пережили катастрофу? Есть ли здесь другие племена?

— Получать информацию для нас не так-то просто. Пока мы для них чужестранцы. С нами держатся дружелюбно, но настороженно. К тому же у этого Вета, которого ты спас на празднике, немало друзей и родственников, и все они настроены к тебе враждебно.

— Это еще почему?

— Ну, во-первых, помочь воину во время поединка — это значит нанести ему смертельное оскорбление. Они предпочитают погибнуть, но не принять такую помощь, а во-вторых, Вет, очевидно, не без оснований рассчитывал, что выбор королевы празднества падет на него, так что он дважды тобой опозорен.

— Этого еще не хватало...

— Кое-что мы все же узнали. Племя бореев на планете не

единственное, на других островах обитают племена, которые все время между собой враждуют. Борен в этих конфликтах не участвуют, они вообще не признают войн. Непонятно, правда, каким образом им удается сохранять мир при таком окружении. Их появление на планете тоже непонятно. Создается впечатление, что они чужие на этой планете. После твоего лечения Элсон стал здесь главным врачом. Правда, болеют борен редко, но дело не в этом, ему удалось взять у них пробу крови, так вот, плазма, состав — все абсолютно соответствует нашей, есть даже реус-фактор... А в крови местных животных вообще нет красных кровяных телец, у них кровь на основе меди, она голубая, как у земных осьминогов. Ряд других вторичных признаков говорит о том же: борен не могли родиться на этой планете...

— Подожди. Мне нелегко переварить сразу столько информации. Дай-ка стимулятор, Павел. Сколько я провалялся?

— Пять дней, как всегда при лечении дезином.

Ротанов с отвращением, не запивая, проглотил красную таблетку в чуть сладковатой оболочке. Минуты две он лежал, расслабившись, в ожидании, пока лекарство подействует. Вскоре он почувствовал, как по всему телу прошла волна тепла, исчезла слабость, пришло удивительное ощущение ясности мысли.

— Так вот, друзья. Не забывайте, что мы особая группа, что нашей основной задачей по-прежнему остается выяснение того, кто угрожает Земле, нашим поселениям и нашим кораблям. Кто и почему. Борен, вероятно, не имеют к этому отношения. Скорей всего они лишь косвенно связаны с проблемой, которая нас интересует. Тем не менее дружба с ними может нам пригодиться и для получения информации, и на тот случай, если у нас произойдут здесь столкновения с иными силами.

— Ты все еще не отказался от своей теории о существовании здесь достаточно развитой цивилизации?

— Видишь ли, Павел, одну вещь, во всяком случае, мы выяснили. Здесь нет других планет. Эта единственная. И если нет каких-нибудь совершенно непонятных для нас форм жизни в самой «черной дыре», то искать тех, кто напал на наши колонии, надо на планете. Кстати, как она у них называется?

— Какое-то женское имя, похоже на Энну.

— Ну что же, пусть будет Энна... — Он задумался на секунду и затем продолжил: — Вот вы считаете, что борен не могли сами появиться на этом острове. Но почему не предположить, что они пришли с материка?

— Разве здесь есть материк?

— Мы не успели облететь всю планету. К тому же большая ее часть была закрыта облаками. Здесь может быть все, что угодно, и материк в том числе. По существу, нам надо начинать с исследования планеты. Вот почему так важно сохранить хорошие отношения с борейми. Если они поделятся с нами своими знаниями, это намного упростит задачу.

Борен считали, что за последние годы климат изменился. Это как будто лишний раз подтверждало теорию Элсона о постепенном накоплении тепла в замкнутом пространстве системы Эпсилона. В будущем температура на планете должна чрезмерно возрасти, но пока здесь повсюду преобладал мягкий климат

земных субтропиков, и лишь отсутствие солнца напоминало людям, что они не дома...

Поселение бореев тонуло в море гигантских трав. Их верхушки порой поднимались выше хижин и смыкали над жилищами людей непроницаемый плотный купол своих шуршащих мягких листьев.

Ротанов лежал в своей хижине с открытыми глазами и ждал прихода Павла. Что-то случилось. Что-то важное. Ротанов не разрешал без крайней необходимости тайных ночных визитов, но ему самому нужен был Павел. Послезавтра свадьба, и надо было что-то решать. Наконец послышался шорох под полом хижины, стоявшей на столбах. Ротанов отодвинул циновку. Люк, который они сделали специально для таких неофициальных визитов, откинулся, коренастая массивная фигура Павла угадывалась во мраке лишь смутным контуром. Он все никак не мог отдышаться.

— Сегодня твоя охрана внимательна, как никогда. Мне пришлось бежать от них в рощу, битый час путать следы и потом возвращаться снова.

— Послезавтра свадьба, и, наверно, охрана получила приказ удвоить бдительность. Там, где похищают невест, никто не знает, что может случиться с женихом.

— Ты все шутишь, а мне не нравится комедия с твоей свадьбой. Она зашла слишком далеко.

— Мне это тоже не нравится, да в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

Они замолчали, прислушиваясь, но снаружи все было спокойно.

— Половина охраны ищет меня сейчас в роще, а оставшиеся не войдут в хижину, жрец сказал, что им это запрещено.

— Я знаю. Что там у вас случилось?

— Жрец передал мне вот это. Похоже на какой-то план, но я в нем ничего не понял.

Павел протянул ему шуршащий листок рта. Бореев использовали это растение вместо бумаги. Если по листу рта провести острым предметом, выступал белый сок, хорошо видный на черном фоне, потом лист высушивали, и надпись или рисунок могли храниться сколько угодно долго. Ротанов поднес шуршащий лист к светящемуся плоду гинго. Холодного желтоватого света было вполне достаточно, чтобы разобрать каждую закорючку. Это, несомненно, был план местности. Всмотревшись, Ротанов узнал площадь, где проходил его поединок с дроном. Стрелка указывала на ущелье, идущее вверх от этого места. В самом конце его была нарисована еще одна стрелка и стоял небольшой крестик. Видимо, его, Ротанова, приглашали посетить это место. Вот только зачем?

Ротанов свернул лист в трубочку.

— С этим я разберусь. Теперь слушай внимательно. Нужно пробраться к шлюпке. Ее наверняка охраняют, поэтому пойдешь ты один. Постарайся не ввязываться в драку. В самом крайнем случае используй сонный газ. Нужно перегнать шлюпку в такое место, где она будет в безопасности и в то же время поближе к поселку. Пока ее обнаружат, пройдет какое-то время. Завтра она нам может понадобиться. И вот еще что... Попробуй зарядить от ее генераторов два-три комплекта батарей. Элсон считает, что

заряд в них держится здесь часов пять-шесть, этого может оказаться достаточно, если ты правильно считаешь время.

— Ты имеешь в виду защитные костюмы?

— Разумеется, не бластеры. Костюмы, связь со шлюпкой. Мы тоже должны подготовиться к свадьбе. Чувствую я, что за ней сразу же последуют бурные события. А теперь иди.

Павел бесшумно исчез в люке, и Ротанов вновь остался один.

...План... Что это? Ловушка? Провокация с целью скомпрометировать «жениха» накануне обряда? Он лежал, вытянувшись на циновке, и вслушивался в мягкую, как вата, тишину Энны. Больше всего Ротанов не любил неопределенность и неизвестность. В таких ситуациях он всегда предпочитал ускорять события, идти при малейшей возможности им навстречу.

Он бесшумно поднялся со своего травянистого ложа и подошел к двери хижины. Ни один стебель не скрипнул под ногами, казалось, во мраке движется лишь тень человека — так осторожны были его движения. Убедившись, что возле хижины по-прежнему всего два стража и что внимание их приковано к зарослям, Ротанов вернулся к люку, осмотрелся и нырнул в заросли трав. Судя по тишине, царившей в поселке, его уход остался незамеченным.

Выскользнув из поселка, он медленно пошел по дну ущелья. Обойдя стороной площадку, где еще недавно дрался с дроном, Ротанов углубился в узкую расщелину. Место, отмеченное на плане крестиком, было где-то здесь. Едва заметная тропа уперлась в камень. Дальше пути не было. Ротанов остановился в недоумении, протянул руку, ощущал шероховатую поверхность скалы. Винзу, у самых ног, была пустота.

Лаз оказался узким и неудобным. Ротанов прополз несколько метров и увидел тусклый желтоватый свет. Впереди была пещера. Посреди ее стоял стол, за которым кто-то сидел. На столе лежали толстые связки листьев и какие-то непонятные инструменты. Среди инструментов Ротанов разглядел хрустальный граненый шар в бронзовых захватах.

Сидевший за столом человек обернулся, и Ротанов увидел, что это женщина. Нижнюю половину ее лица скрывала темная повязка. Но глаза показались ему знакомыми.

— Разве в вашей стране принято лежать у порога?

— Нет. Но мне забыли сказать, что меня здесь ждут.

Ротанов вошел в пещеру и осмотрелся.

— Тебе не нравится мое жилище?

— Нет, почему же...

— Это всего лишь убежище. Я не живу здесь, и о нем никто не знает, кроме меня и моего отца.

— Ты дочь жреца?

— Он мой отец, но я не его дочь.

— Как это понять?

— Он считает меня своей дочерью. Но это не так.

— Значит, он твой приемный отец?

— Это слово мне непонятно.

— Ну хорошо, оставим это... Давай поговорим лучше о завтрашней свадьбе. Я хотел бы знать, по доброй ли воле ты согласилась на этот обряд, в чем его смысл и что означает похищение невесты?

— Сразу столько вопросов... Я не смогу тебе все объяснить. Есть законы и правила, совершенно непонятные чужеземцам. В тот день, когда ты победил дрона, я была в глубоком смятении. Королева праздника обязана выбрать своим суженым победителя, таков закон. Но им должен был стать Вет. Я не любила этого человека. Он постоянно преследовал меня и наконец добился своего. Подстроил так, что королевой праздника избрал меня... Недолго живет та, кому выпал этот жребий. Вет предупредил меня, что так будет, если я не соглашусь стать его женой, и, как видишь, сдержал слово... И вдруг вмешался ты. Это было как дар богов, как судьба...

Ее огромные глаза блестели, и Ротанов почувствовал вдруг странное волнение. Как зачарованный мальчишка, ловил он каждое ее слово, каждый звук голоса.

— Ты сказала: королева праздника живет недолго... Что это значит? Кто мог придумать подобный закон?

Она лишь беспомощно пожала плечами.

— Не бори. И не мой отец. Боги, наверное.

— Ах, боги! — насмешливо произнес Ротанов. — Свою собственную жестокость люди охотно приписывают богам.

— Я знаю, чужестранцы, летающие на огненных колесницах, не верят в богов, но наши боги живут вместе с нами и умеют наказывать тех, кто не выполняет законов.

— Хотел бы я посмотреть на них!

— Кто знает, может быть, твое желание осуществится... Однако ночь коротка и у нас мало времени. Мне надо сказать тебе, как следует поступить в храме Юстары. Ты не знаком с нашими обычаями и вовсе не обязан соглашаться.

— Соглашаться на что?

— Ты не должен оставаться со мной после обряда. Отказаться очень просто. Когда жрец разломит пополам священный плод таны, брось свою половину в источник — это и будет отказ, тогда ты будешь свободен, и в любой момент, как только захочешь, сам сможешь выбрать другую девушку. Ту, что тебе понравится.

— Могу я, по крайней мере, узнать имя своей невесты?

— До того как я стала жрицей богини Юстары, меня звали здесь Элной.

— Скажи, Элна, а если я не захочу отказаться, что тогда?

Она долго молчала и вдруг сказала очень серьезно:

— Не надо с этим шутить, Ротанов. Ты должен отказаться.

— Позволь мне подумать хотя бы до завтра.

— Ты просто не знаешь, насколько это опасно. Если ты меня не послушаешься, это принесет несчастье прежде всего тебе самому.

Она не смогла бы, наверное, найти лучших слов, чтобы заставить его принять окончательное решение.

Глава 4. СВАДЬБА

День подготовки к свадьбе прошел шумно, в бестолковой суете и криках. Устанавливались навесы для гостей. Женщины в огромных котлах варили пищу для празднества.

Следующее утро началось торжественной и нелепой процедурой: Ротанова водили от стола к столу, от хижины к хижине. У каждого стола приходилось пить бодрящие напитки, и он подумал, что, если так будет продолжаться, даже универсальный стимулятор вряд ли удержит его на ногах.

Только через несколько часов ему наконец удалось протиснуться к Элсону.

— Павел не вернулся, батарей нет. Держись. Мы попробуем прорваться к храму Юстары, как только начнется обряд, — сказал Элсон.

— Даже не думайте. С этим я справлюсь сам. Выясните, что со шлюпкой, куда девался Павел.

Элсона оттеснили. К Ротанову подошел почетный эскорт воинов и повел его к храму богини Юстары. Храм располагался у подножия горного хребта.

Довольно долго торжественная процессия шла по дну ущелья. Дышалось с трудом то ли от подъема, то ли оттого, что воздух здесь был до предела насыщен влагой. Наконец, впереди на фоне серого неба вырисовалась громада храма. И чем ближе они подходили, тем больше Ротанов поражался мрачному величию этого сооружения. Сложенные из огромных неотесанных глыб серого камня, стены возвышались циклопическими громадами. Никакие механизмы не смогли бы разместиться в узком ущелье, чтобы поднять эти массивные глыбы. И тем не менее стены храма торжественно и величественно стояли здесь... Седой древностью веяло от них. «Слишком много противоречий, — подумал Ротанов. — Натуральное хозяйство, бронзовый век и вдруг — стальные лезвия, самострелы. Теперь этот храм, сооруженный наверняка кем-то другим. Кем же? Слишком много загадок, слишком много тайн. А узнали пока так мало. Ничего такого, ради чего стоило бы очертя голову бросаться в гравитационную бездну. Где те, кто направляет к Земле черные корабли? Где подлинные хозяева планеты?»

Интуитивно он чувствовал, что ждать осталось немного.

Внутри храм был прост и мрачен. Никакие перегородки не разделяли внутреннего пространства огромной конической башни, форму которой он не мог определить снаружи. В центре храма возвышалась статуя женщины, грубо вырезанная из целого куска дерева. От нее веяло безысходной тоской: «Мрачноватый храм, слишком уж мрачноватый». Ротанов подошел ближе к статуе. Лицо ее было под покрывалом. Что означает этот повторяющийся символ? Безликая судьба? Или их боги так жестоки, что предпочитают прятать свои лица? Но тогда почему живая женщина тоже должна прятать свое лицо? Во всем этом некогда было разбираться, да и не нужно. Есть вещи, не предназначенные для посторонних.

Он отошел от статуи и лишь сейчас заметил у ее подножия небольшой каменный бассейн с неподвижной водой. «Наверно, это и есть священный источник», — подумал Ротанов. Его мысли прервал голос, раздавшийся высоко под куполом храма. Усиленный и отраженный стенами, он, казалось, шел со всех сторон:

— Чужеземец, желающий взять в жены «Ту, что прячет свое

лицо», чисты ли твои намерения? Нет ли в мыслях у тебя коварства и зла? Зачем ты пришел сюда?

— Слишком много вопросов. Я отвечаю лишь на последний. Я пришел, чтобы защитить «То, что прячет свое лицо».

— Достойный ответ... — Ротанов узнал голос жреца. — Подойди ближе, я да исполнится предназначение...

Долгий печальный звук, не лишенный мелодичности, пронесся под сводами храма — не то гонг, не то стон... Ротанов подошел вплотную к источнику. Он дал себе слово не оглядываться, не оглянулся и сейчас, хотя отчетливо различил звук шагов за спиной. Подошел жрец в оранжевом плаще. Он подал знак, и снова прорыдал гонг. Руки статуи, до этого в скорбном жесте прижатые к груди, вдруг распрямились и оказались теперь протянутыми к Ротанову. На раскрытых ладонях статуи лежали золотистые неведомые плоды. «Наверно, это и есть священный плод таны», — подумал Ротанов. Он стоял неподвижно и прищурившись смотрел на ослепительно желтый плод, казавшийся единственным живым и ярким пятном в этом мертвом храме, в мертвых деревянных руках статуи.

Возможно, он должен был сам сделать то, что в конце концов сделал жрец. Шагнув к статуе, он молча взял плод с ее ладоней, разломил его над источником, и Ротанов заметил, что несколько капель сока, красных как кровь, упали в воду. Одну половину плода жрец протянул Ротанову, другую женщине. Взяв свою часть плода, Ротанов повернулся к «Той, что прячет свое лицо». Сегодня покрывало на ней было глухим, непроницаемо черным. Вся ее фигура показалась ему неподвижной, похожей на изваяние богини.

Голос под куполом храма спросил:

— Согласен ли ты, чужестранец, победивший дрона, соединить тропу своей судьбы с судьбой женщины, что стоит с тобой рядом?

Ротанову почудился какой-то подвох в этой фразе, но он ответил сразу же, не колеблясь:

— Да, согласен.

— Тогда вкуси от священного плода таны.

Ротанов отрицательно покачал головой, повернулся к «Той, что прячет свое лицо» и отчетливо произнес:

— Пусть она сделает это первой. В моей стране женщина имеет такое же право выбора, как мужчина.

Тишина, повисшая в храме, выдала замешательство тех, кто режиссировал этот спектакль. Ритуал обряда был грубо нарушен, и понадобилось несколько минут, прежде чем они решили, что теперь делать. Наконец голос под куполом произнес:

— Хорошо, чужеземец. Богиня удовлетворяет твою просьбу. Пусть «Та, что прячет свое лицо» первой совершит обряд. — Не переменяв позы, женщина приподняла покрывало, поднесла к губам плод таны, надкусила его, и темная, похожая на кровь струйка сока потекла по одежде. Торопливо опустив покрывало, она шагнула к статуе и вложила в ее протянутые ладони остатки плода. Капли темного сока упали в источник и окрасили воду в алый цвет.

— Твоя очередь, чужеземец! — произнес голос под куполом.

Ротанов поднес плод ко рту. В эту секунду сдавленный, сбивчивый шепот коснулся его слуха:

— Не делай этого, я тебя прошу, умоляю! Ты погубишь себя, а мне все равно не поможешь. Брось плод в источник!

Плод был терпким, горьковатым. У Ротанова пересохло во рту, и он проглотил душистый, густой сок, затем шагнул к статуе и вложил ей в ладони остаток плода. В последний раз ударил гонг, и сразу же померкли светильники.

Ротанов заметил, как в почтительном поклоне склонились перед ним служители храма, и понял: обряд закончен.

Их пригласили к боковому проходу, и Ротанов, не отпуская руки женщины, чтобы не потерять ее в этом полумраке, пошел за служителем. Они поднялись по узкой каменной лестнице, в какие-то верхние этажи. Лестница закончилась узкой дверью, почти щелью. Ротанов с трудом протиснулся сквозь нее, следом за «Той, что прячет свое лицо». Служители храма остались снаружи, и едва Ротанов переступил порог, как глыбы за его спиной дрогнули и сошлись вплотную, намертво закрывая выход. Они очутились в небольшом цилиндрическом помещении метров семи в поперечнике с совершенно гладкими, уходящими вверх стенами. Пол, усталый пушистыми шкурами, был заставлен блюдами с местными яствами. Стояли кувшины с соком и брагой. Тут и там тускло светились оранжевые плоды, освещая странную, почти нереальную картину окружающего. Окон не было, лишь узкие, в ладонь шириной, щели связывали с внешним миром их новое жилище. Или темницу? Ротанов заметил, что рука его спутницы слегка дрожит.

— Интересно, как долго мы здесь пробудем? — спросил он, осмотревшись.

— Совсем недолго, только до полночной зари.

Ее рука снова дрогнула, и он не стал спрашивать, что случится потом. По местному времени до этой самой полночной зари оставалось не больше двух часов. Он осторожно отпустил ее руку, шагнул к щели, заменявшей окно, приподнялся на цыпочки и выглянул наружу. Перед ним внизу раскинулся весь остров, и, если бы не полумрак, он бы, наверное, смог отсюда рассмотреть побережье.

— Зачем ты не послушался меня? Я же просила не шутить с будущим, которого ты не знаешь.

— Я предоставил право выбора тебе первой. Ты ведь тоже могла отказаться.

Она отрицательно покачала головой:

— Для меня выбор был определен судьбой.

— И все же ты могла отказаться. Ну скажи, могла?

Он заметил, как дрогнули ее плечи.

— Тогда здесь вместо меня оказалась бы другая женщина. Ты не должен был этого делать, Ротанов.

Голос ее был глухим, плечи вздрагивали, и Ротанов подумал, что он не напрасно рисковал. Стоило проделать все это хотя бы для того, чтобы узнать, чего она так боится.

— Поздно говорить об этом. Выбор уже сделан.

Медленно и осторожно Ротанов обошел по кругу все их небольшое помещение. Он старался не упустить ни малейшей детали. «Невеселое место. Похоже на крепость. Только осаждаю-

щим сюда не добраться». Он вновь подошел к щели, заменявшей окно, и вновь поразился толщине стен. Не меньше двух метров.

— Отсюда не выйти, но и сюда не так-то просто войти. Как именно они собираются тебя похищать?

— Давай не будем говорить об этом. И не будем думать. Ты все равно ничего не сможешь сделать. Отсюда никто никогда не возвращался. Не вернемся и мы.

Впервые он по-настоящему почувствовал ее уверенность в безвыходности положения.

— Скажи, а на твоей родине, когда мужчина выбирает женщину, у вас тоже бывает какой-то обряд, скрепляющий этот выбор?

— У нас выбор всегда взаимен. А обряд... Что ж, пожалуй, это можно назвать обрядом. Мы рисуем наши имена в большой красивой книге.

— И ты уже рисовал там свое имя?

— Нет. Не приходилось.

— Значит, я первая твоя женщина?

Ротанов почувствовал, что настала пора объясниться, расставить все по своим местам.

— Я ведь не успел узнать тебя как следует, я даже не видел твоего лица. У нас выбор не бывает таким скоропалительным. В моей стране мужчина и женщина сначала знакомятся, долгое время дружат друг с другом, иногда эта дружба переходит во что-то большее и, лишь убедившись в этом... — Он замолчал, чувствуя, что постепенно вязнет в болоте бессмысленных слов и что сказанного уже не вернешь назад. Она долго молчала. И вдруг заговорила как будто совсем о другом:

— Хочешь знать, почему существует обычай, запрещающий открывать мне лицо?

Он молча кивнул.

— В обычаях бореев много рационального. Этот существует для того, чтобы мужчина, после того как он останется один, не мог вспомнить лица той, которая его выбрала. Чтобы для него вся эта история не стала слишком значительной, чтобы некого было вспоминать. Чтобы навсегда, на всю жизнь, во всех твоих последующих встречах, «которые могут перейти во что-то большее», ты вспоминал меня лишь как ту, которая не имела лица, не имела права даже на твою память.

Ротанов почувствовал мучительный стыд и не нашел слов, чтобы возразить ей. И тогда она медленным спокойным движением сняла с головы серебряный обруч вместе с темной вуалью, закрывавшей лицо.

В первую секунду она показалась ему некрасивой. Русые волосы водопадом рассыпались по плечам, открыв высокий лоб и огромные синие глаза. Нет, она не показалась ему красивой, но он не мог отвести взгляда от ее лица. А она все смотрела на него сурово и строго, словно ни секунды не сомневалась ни в себе, ни в том, какое впечатление произведет на него, словно знала заранее, что наказание за его чрезмерную и неуместную гордость будет действенным и суровым.

Снова зарыдал гонг. Его звук, густой и вибрирующий, поплыл вниз, в долину. На секунду Ротанову показалось, что эхо, рож-

денное горами, упало откуда-то сверху. словно вздохнуло само небо.

— Надо попробовать вырваться отсюда. Покорность не лучший способ справиться с судьбой.

Она отрицательно покачала головой.

— Отсюда не возвращаются, хотя ты мог бы отказаться. Еще не поздно, хочешь, я вызову жреца?

— Вызывай! Пусть они только откроют дверь. Мы уйдем отсюда вместе.

Она вновь покачала головой.

— Стражи на лестнице? Они нас не удержат.

— Я знаю. Но тогда сюда приведут другую женщину. А жребий пал на меня. По твоим правилам можно так поступать?

— Ну хорошо, мы останемся здесь и посмотрим, чем оно кончится, это их похищение!

И тогда опять откуда-то сверху донесся могучий и грозный гул, словно вибрировали и стонали сами горы. Ротанов поднял голову и только теперь заметил, что у башни не было крыши. Кусок бледного серого неба очерчивал ровный круг стен, почти сливавшихся с его темным фоном. Но сейчас небо посветлело, и он разглядел то, чего не видел раньше: вся верхняя поверхность стен была исчерчена глубокими бороздами, словно кто-то рвал их гигантскими когтями. А звук, падавший сверху вдоль этих изодранных стен, становился все грознее, переходил в вибрирующий визг, на который мелкой дрожью вдруг ответили двухметровые крепостные стены храма.

Глава 5. СТРЕЛОК

Получив задание Ротанова, Павел решил найти проводника. Всего несколько часов ходьбы отделяли поселок бореев от побережья, где приземлилась шлюпка, но в чужой стране лучше не путешествовать в одиночку. Нужен был человек, на которого можно полностью положиться. Ротанов просил сохранить экспедицию к шлюпке в тайне, и, наверное, для этого у него были серьезные причины. После долгих раздумий Павел решил побеседовать с Лартом, дальним родственником хозяина хижины, в которой его поселили. Между ними установились неплохие, почти дружеские отношения. Ларт нравился Павлу немногословностью и открытым добродушием, которым зачастую в избытке обладают сильные, легко преодолевающие трудности люди. В дополнение ко всем своим достоинствам он считался одним из лучших охотников племени.

Ларт встретил Павла как старого друга, усадил на лучшее место, и между ними завязалась неторопливая беседа о погоде, о видах на охоту и о прочих малозначительных вещах. Борей не любили излишней торопливости ни в делах, ни в серьезных разговорах. Наконец Павел решил, что этикет соблюден, и перешел к делу.

— Тебе приходилось бывать на южном побережье?

— Конечно. Сто ночей назад я ставил там силки на курланов. Там много дичи. Раньше мы часто охотились на юге.

— Ты не мог бы проводить меня к тому месту, где опустнлась наша огненная лодка?

Павел решил не скрывать цели своего похода от Ларта. Он считал, что если уж приглашать человека для такого дела, то ему следует доверять полностью. Ларт раздумывал минуты две. Наконец он заговорил, глядя в сторону, и было видно, что ответ ему неприятен:

— Теперь там чужая территория. Мы не можем ходить на южное побережье без разрешения роев.

Павел не знал, кто такие рои, но счел нужным напомнить:

— Один из бореев встретил нас там после посадки. Разве он спрашивал разрешения у роев?

— Последние сто ночей бореи не ходят к побережью.

— Но человек на животном, проводивший нас до поселка, разве он не бореи? Он приветствовал нас от имени «Той, что прячет свое лицо».

— Так называют богиню Юстару и ее жриц, она почитается у разных племен нашего острова. Человек, приведший вас в поселок, не был бореем. Он был роем.

— Хорошо, пусть рой. Но ведь он свободно пришел в поселок, почему бы и нам не пойти к ним?

— У роев нет своих домов, они ходят везде, где хотят.

— Нет домов, но есть своя земля? Я тебя не понимаю.

— Земля на побережье была наша, но рои сказали, она им нужна. Теперь туда нельзя ходить без разрешения роев.

— Хорошо, давай спросим у них разрешения, раз так нужно:

— С роями может разговаривать только жрец или правитель.

Проблема становилась все сложнее. Павел и так уже нарушил указания Ротанова, посвятив в свои планы Ларта. Теперь во что бы то ни стало нужно было найти способ довести дело до конца, уговорить его помочь и как-то обойтись без жреца и правителя.

Они сидели у очага и пили из глиняных чаш, украшенных затейливой резьбой, что-то вроде чечевичной похлебки. Павел уже достаточно разобрался в местных обычаях и знал, что предложенная ему чаша давала право спрашивать хозяина о чем угодно, поскольку такую похлебку предлагали лишь тому, кого считали другом. Другом в доме Ларта Павел стал с тех пор, как научил его способу особой закалки наконечников копий, единственного оружия, которым разрешалось пользоваться во время охоты. Копья запрещено было вносить на территорию поселка. Во всем, что касалось оружия, у бореев существовал целый свод очень сложных правил, иногда противоречивых и запутанных. Складывалось впечатление, что по крайней мере часть из них навязана племени извне. Не этими ли самыми роями?

— Скажи, Ларт, кто такие рои, почему ты должен их слушаться?

Ларт ответил тотчас же, хотя Павел заметил, как напряглись мышцы его больших рук, выдавая скрытый гнев или волнение.

— Рои обладают большой силой. Они могут повелевать случаем.

— Повелевать чем? — не поверил своим ушам Павел.

— Человек, послушавшийся роя, легко может сломать ногу на охоте, у него может загореться дом, он может заболеть, встре-

тить опасного зверя за пределами охотничьей зоны, у него неожиданно может сломаться копье.

— Иными словами, заклятье рано или поздно сбывается.... Ловко придумано.

— Ты не прав. Рои не колдуны. Но они умеют управлять тем, что должно произойти. Они могут подменить хороший день плохим, и человеку не будет удачи. С роями нельзя ссориться. Они приходят и уходят, когда хотят. Мы видим их редко, иногда раз-два за всю жизнь.

— Что им нужно от твоего племени? Вы платите им дань?

— Что такое дань?

— Даете вы им продукты, инструменты, оружие?

— Роям ничего такого не нужно. Они не охотятся, дичь сама приходит к ним, когда надо. Если рой захочет напиться, источник найдется от него не дальше чем в двух шагах. Любой зверь, любой охотник всегда уступает дорогу роям. Есть только один остров, над которым рои не властны. Но почему это так, я не знаю. Люди нашего племени не бывают в других землях, нам хватает и нашей.

— А разве вы не обмениваетесь товарами с другими землями?

— У нас все есть. Зачем?

— А ты сам разве не хотел бы поохотиться в новых местах, увидеть новых людей? — не сдавался Павел.

— В нашем мире человек живет недолго. Нам не хватает времени на чужие земли.

Ларт заметно помрачнел, и Павел вдруг вспомнил, что все в племени бореев молоды, среди них почти нет стариков, разве что жрец да правитель. Он подумал, что должна быть серьезная причина для того, чтобы люди умирали молодыми в этой стране сплошного изобилия, где съедобные плоды растут круглый год чуть ли не на каждом шагу.

— Тебе очень надо побывать на земле роев?

— Там осталась моя лодка. Большая лодка, которая может плавать по небу. Вы называете ее «огненной колесницей».

— Скажи, а в твоей лодке есть копья?

— Копья?

— Копья с очень острыми наконечниками, какие ты научил меня делать, очень длинные и сильные копья, которые могут достать до неба?

Павел постарался не показать, насколько его поразил этот вопрос.

— Да, в моей лодке есть такие копья. Зачем они тебе?

— Мне нужно не простое копье. Мне нужно копье, которым можно убить стрика.

— Я не знаю, что собой представляет стрик.

— Ты еще очень мало знаешь о нашей земле. Стриком пугают наших детей. Мой отец и моя мать умерли молодыми... — Ларт замолк и отвернулся.

— Это случилось из-за стрика?

Не поворачиваясь, Ларт кивнул.

— Я думаю, в моей лодке найдется такое копье, которым можно убить любого стрика.

— Тогда я пойду с тобой.

— А как же рои?

— Сначала приходят рои, потом прилетает стрик. Они всегда вместе. Сами по себе рои не так уж страшны, но вместе со стриком они непобедимы. Ты хорошо знаешь силу своего копьа?

Теперь уже Павел пожалел, что затеял этот разговор. Он слишком хорошо знал силу земного оружия и помнил правила, запрещавшие его применение на чужих планетах с разумной жизнью. Правила, продиктованные долгим и не таким уж безоблачным опытом общения людей с иными цивилизациями. Вдруг после уничтожения таинственного стрика на острове вспыхнет война? Так уже было на Гарте, где свирепые хищники, напавшие на землян, считались у местного племени священными животными, принадлежавшими какому-то неведомому божеству... Слишком мало они пока знают об этой планете, слишком велика вероятность ошибки, ложного, неверного шага. Обманывать Ларта он не мог и не знал, как объяснить ему всю сложность создавшейся ситуации. Все же надо было попробовать, не было другого выхода.

— Не знаю, поймешь ли ты меня, друг, но у нас тоже есть свои законы, и они запрещают применять наше оружие, то, что ты называешь «сильными копиями», в чужой земле... Может быть, позже, когда мы лучше узнаем вашу землю, мы сможем помочь твоему народу, а сейчас ты должен помочь нам.

— Ларт не требует платы за свою помощь! Но обещай мне взять с собой свое сильное копье. Я покажу тебе стрика, и ты сам решишь, что нужно делать.

Такое условие устраивало Павла, и больше они не затрагивали этой темы. Сборы не были долгими. Утро следующего дня они встретили у излучины реки, где начинались владения роев.

С минуту Ларт стоял неподвижно, прислушиваясь, потом осторожно скользнул в заросли. Вскоре Павел узнал место, запомнившееся еще при посадке. Сердце Павла забилось учащенно, когда, раздвинув ветви, он увидел знакомую прогалину, посреди которой лежала их шлюпка. Тусклые серебряные отсветы играли на бортах. Старые следы занесло песком, а новых не было видно. За все это время ни одно живое существо не приближалось к шлюпке. Павел знал, что иначе и не могло быть: защитное поле, автоматически включившееся после их ухода, не пропускало на поляну никого чужого.

На пустой, открытой прогалине, отделявшей их теперь от шлюпки, не было ничего угрожающего, но Ларт застыл на месте, выставив вперед свое короткое копье. В полной тишине одна за другой текли секунды и ничего не происходило.

— Там рои, — тихо произнес он.

Словно подтверждая его слова, справа на прогалину вышли три человека и остановились метрах в сорока от зарослей, скрывавших Павла и охотника. Теперь они преграждали им дорогу к шлюпке, и хотя их руки не сжимали оружия, а в небрежных позах, казалось, не было ничего угрожающего, тревога Ларта наконец передалась и Павлу. Слишком уж неожиданным и своевременным казалось появление незнакомцев, словно они специально ждали их у шлюпки. Тот, что стоял поодаль, держал в ру-

ке деревянную трубку, похожую на копьё без наконечника. Судя по тому, как расположились рои, похоже было, что они знали об их присутствии. Прятаться дальше не имело смысла, и Павел, повернувшись к Ларту, сказал:

— Что бы ни случилось, не двигайся. Жди меня здесь.

Он раздвинул кусты и шагнул на прогалину. Рои не изменили поз, не повернулись к нему. Лишь тот, что стоял на тропе, ведущей к шлюпке, сказал надменно, глядя в сторону:

— Сюда нельзя, чужестранец.

— Это наша лодка. И мы будем ходить здесь тогда, когда нам нужно, — спокойно ответил Павел и неторопливо шагнул к рою, стоявшему у него на пути. Небольшой камешек, этаким округлый, скользкий булыжничек, оказался на тропе как раз в том месте, где опустилась его стопа. Нога подвернулась, и совершенно неожиданно Павел растянулся на земле.

— К роям не подходят без разрешения, это знает любой дикарь.

Павел сел, взял этот камень и вдруг очень точным и неожиданным движением послал его вперед. Камень ударил стоявшего на тропе роя в солнечное сплетение, и тот согнулся от боли.

— Это тебе за дикаря. Невежливо так встречать гостей.

Павел поднялся, отряхнул песок. Стоявшие в стороне рои оказались теперь на тропе, и все трое преграждали ему путь к шлюпке. Павлу очень не нравились деревянные трубочки, угрожающе выставленные навстречу, они могли оказаться незнако-

мым оружием, и он уже совсем было собрался попробовать выбить их из рук роя, как вдруг тот, кого он весьма чувствительно щелкнул камнем, предостерегающе поднял руку.

— Подождите. Пусть он сначала покажет дорогу в небесную лодку.

— Ну что же, — усмехнулся Павел, — это совсем несложно, идите за мной. — Он знал, что защитное поле настраивается индивидуально и никого постороннего не пропустит к шлюпке, так что ничем не рисковал. Раз эти рои до сих пор сидят здесь, значит, все в порядке: с защитным полем им не удалось справиться.

Дальнейшее было совсем просто. Павел свободно, будто и не существовало никакой преграды, прошел сквозь защитное поле, а трое роев, идущие за ним шаг в шаг, отпрянули, получив ощутимый упругий толчок. Почти сразу же тот, что нес деревянные трубочки, приподнял одну из них, и на границе защитного поля, в том месте, где секунду назад была спина Павла, сверкнуло пламя.

Люк открылся при его приближении, а на границе защитного поля сверкнула еще одна вспышка. Вот тебе и деревянные палочки, примитивное оружие древних. Очевидно, не так просты эти рои, как хотели бы казаться. Где-то у них должна быть производственная база. Не на деревьях же растут такие трубочки...

Глава 6. ЗМЕЙ

Ротанов со дна каменной чаши не мог видеть всей картины в целом и не представлял себе размеров чудища, обвинившего храм. Наверно, поэтому голова, показавшаяся в овале стен, не произвела на него особого впечатления. Возможно, он ожидал чего-то большего: слишком уж таинственным и многозначительным был весь предшествующий ритуал. Чудовище не спешило, и у Ротанова оказалось достаточно тех растянутых долей секунды, которые приходят к хорошо тренированному человеку в напряженный момент. Он успел отбросить Элну, вернуться от щелкнувших зубов, успел достать нож и нанести первый удар, прежде чем голова отпрянула в сторону и вверх. Удар был неудачен. Лезвие скользнуло по роговым чешуям, не задев глаза.

Последовал следующий бросок, теперь уже направленный на одного Ротанова, гораздо более точный и более стремительный, чем первый. И все же Ротанов вновь сумел вернуться. Голова змея со страшным грохотом ударилась в стену храма. Во все стороны брызнули осколки камня, стена треснула, змей вновь взревел и на секунду потерял ориентировку после удара.

Прежде чем змей втянул голову и нанес следующий удар, Ротанов успел обернуться и посмотреть на Элну. Она стояла у стены, совсем не там, куда он отбросил ее в начале поединка. Стояла спокойно, во весь рост, откинув голову. Ни тени страха или тревоги не заметил он на ее лице. Что-то его поразило в ней, может быть, выражение глаз, но у него не было

времени разбираться теперь в оттенках ее настроения, хотя он почувствовал, что в ее спокойствии кроется нечто важное.

Змей ударил снова. На этот раз удар пришелся в пол, и перекрытие не выдержало; в полу образовалась огромная дыра — метра два в поперечнике. Ротанов рванулся в сторону, но не совсем удачно. Его нога попала в скользкую кашу из плодов. Он почувствовал, что теряет равновесие, и в ту же секунду оказался на полу. Высоко над ним толстая шея сократилась и раздулась. Щиток головы был теперь направлен прямо ему в грудь. Он подумал, что теперь уже не вернуться, подумал совершенно спокойно и отрешенно, словно речь шла о ком-то постороннем. И тут Элна, до сих пор безучастная, вдруг шагнула вперед и сказала что-то, какие-то слова, незнакомые и странные. Голова змея вдруг дернулась, словно наткнулась на невидимую преграду, рванулась назад и исчезла в темном провале.

Ротанов уже был на ногах. Несколько секунд он смотрел на женщину, стараясь осмыслить только что виденное.

— Я знаю древнее заклятие, иногда оно помогает...

— Ну, конечно, заклятие... Как я сразу не догадался! Это же так просто!

— Ты мне не веришь?

— Я во что хочешь поверю, если этот монстр оставит нас в покое.

Она отрицательно мотнула головой.

— Он не оставит нас в покое... Я не должна была, но он хотел тебя убить, и вот теперь он знает...

— Знает что?

Она молчала. Ротанов схватил ее за плечи и встряхнул. Наверху, у кромки стен, ворочалось и шуршало чудовище, и он подумал, что короткая передышка сейчас коичится.

— Ну же, ну, у нас мало времени! Скажи, что он знает?

— Он понял, что я не борейка. Они охотились за мной много лет и теперь не оставят в покое... Этот робот-змея, он создан искусственно, и он — не самое страшное. Гораздо страшней остров Рин. Если бы ты послушался меня и остался в храме...

Она не договорила, потому что сверху на них обрушился тяжелый шелестящий клубок шупалец. Ротанов боролся несколько минут, но противостоять этим живым канатам было невозможно. Они оплетали, сдавливали тело, мешали дышать. Толстые, необычайно гибкие и подвижные шупальца в несколько минут сделали то, что было не под силу клыкастой пасти. Ротанов почувствовал, что не может двигаться. Он был скован, он задыхался и почти ничего не видел, кроме этих упругих и живых веревок.

Змей расправил одно за другим свои звенящие крылья. Их было много. Каждый сегмент длинного тела монстра поддерживала в воздухе пара крыльев. Наконец, тяжело оторвавшись от храма, он взлетел и медленно начал набирать высоту.

* * *

Позиция, выбранная Лартом, казалась удобной, почти неприступной. Единственная тропинка, ведущая между осыпями по крутому склону горы, здесь обрывалась. На вершине горы оказалась

небольшая, плоская, как блюдечко, площадка, защищенная со всех сторон обломками скал и тяжелыми валунами. Павел прилег за выступ и осмотрелся. Внизу под ним как на ладони виден был пройденный путь. Никто не смог бы подняться сюда незамеченным.

Два часа от самой шлюпки рои гнали их через лес, отрезая от поселка бореев, непрерывно обстреливая из своих трубок, и ни разу им не удалось даже увидеть своих преследователей, так искусно маскировались они в лесу. Когда Павел понял, что батареи, заряженные в шлюпке, вновь начинают терять свою силу, он потребовал, чтобы Ларт вывел его на открытую позицию. И вот теперь они здесь. Обратного пути отсюда скорей всего не будет. Рои наверняка уже окружили эту одинокую гору и не выпустят их отсюда.

— Почему ты привел меня именно на эту гору? — спросил Павел.

— Здесь летает стрик. Здесь он садится и отдыхает перед полетом через море. Его надо убить.

Ларт начал объяснять, кто такой этот стрик, но Павел так и не понял.

— Дождемся твоего «стрика», тогда и посмотрим.

* * *

Ротанов не чувствовал боли. Его как будто запеленали в толстый резиновый шланг, податливый и упругий, плотно обволакивающий тело, сковывающий движения. После упорной борьбы ему удалось согнуть в локтях руки и подтянуть их к туловищу. Упираясь коленями и локтями, он слегка ослабил хватку упругих щупалец. Создавалась даже иллюзия их слабости, но он уже знал, что это не так. Временами мускулы нагрягались, и тогда пружина, обернувшая его тело, становилась твердой как сталь. Хуже всего была полная физическая беспомощность, он даже не мог узнать, что произошло с «Той, что прячет свое лицо».

Он не оставлял попыток освободить голову и кое-чего добился. На уровне глаз образовалась большая щель, и, так как змей нес его лицом вниз, в разгоравшемся багровом свете утра он увидел под собой смутные очертания лесов и холмов, над которыми они летели. Он не знал, сколько прошло времени. Очевидно, остров в эту сторону вытягивался далеко, во всяком случае, моря пока не было видно. Змей летел теперь медленнее и явно терял высоту. Впереди показалась высокая, отдельно торчащая гора. Змей явно направлялся к ней. И вдруг он вновь часто и тяжело захлопал крыльями, стараясь вернуть потерянную высоту. Это удавалось ему с трудом, а скала все приближалась, и, казалось, ее иззубренная вершина непременно вонзится в чудовищное туловище летящего монстра. Было бы куда проще изменить направление и не обогнуть вставшее на пути препятствие. Но змей этого не делал, и Ротанов впервые подумал, что это не живое чудище, а некий инструмент, строго выполняющий заложенную в него программу.

И тут произошло неожиданное: внизу мелькнула красноватая вспышка, и послышался резкий звук выстрела. Еще и еще раз мелькнули внизу вспышки, и раскаты второго и третьего выстрелов нагнали их в полете. Змей дернулся так, словно раскаленная игла пронзила его тело. Пальцы чудовищной лапы судорожно сжались, и Ротанову показалось, что это конец; такой нестерпимой была боль от железных тисков, сдавивших ему грудь. Но это продолжалось всего несколько секунд. Рванувшись в последний раз, змей выровнял свой полет, однако крылья хлопали теперь чаще и не так ритмично, как раньше. Живые канаты, сжимавшие тело Ротанова, все больше слабели. Упираясь подошвами ног и локтями, он смог теперь продвинуться вперед. Эта маленькая победа придала ему сил, и, протиснувшись вперед еще немного, он сумел наконец повернуть голову и посмотреть, что случилось с девушкой. Однако его ждало разочарование. Живой кокон шупалец, скрывавший ее, остался непроницаемым. Ни движения, ни звука не долетало с той стороны. Возможно, последняя конвульсивная хватка змея оказалась слишком сильной и «Той, что прячет свое лицо» уже не было в живых. Возможно, она лишь потеряла сознание, помочь ей он пока не мог.

Змей летел теперь над морем. Ротанов терпеливо ждал того момента, когда чудовище ослабеет. Он не сомневался, что выстрелы, прозвучавшие с вершины горы, не прошли для монстра бесследно. Лишь бы дотянуть до какой-нибудь суши. Но, видимо, пули задели что-то важное в теле змея, потому что он слабел гораздо быстрее, чем того хотел Ротанов. Поверхность воды приближалась, и все судорожней билась вверх перепончатые кожистые крылья.

Теперь разжать кольца шупалец оказалось уже нетрудно, Ротанов освободил руки, и передняя часть его туловища повисла в пустоте. Несколько раз он пытался ухватиться за костяные выступы, тянувшиеся вдоль всего тела чудовища, и наконец после очередной попытки ему это удалось. Выступ оказался иззубренным, неровным, держаться за него было не так уж трудно. Отталкиваясь ногами от слабо сопротивлявшихся шупалец, Ротанов медленно, сантиметр за сантиметром, стал подтягиваться вверх и наконец, обхватив гигантскую лапу, он оказался сидящим на широком кожистом основании, из которого росли шупальца. Теперь он мог дотянуться до кокона, спеленавшего девушку. После долгих усилий, раздвинув наконец живую пружину, он освободил ей лицо.

Порыв свежего ветра принес с собой мелкие водяные брызги. Женщина открыла глаза и посмотрела на Ротанова.

— Где мы?

— Летим пока что. Но кто-то подстрелил змея, и, похоже, лететь нам осталось недолго. Как ты себя чувствуешь?

— Подстрелил змея? Этого не может быть. Змей неприкосновенен для всех племен. К тому же его охраняют. Разве только кто-то из ваших...

— Я посылая своего друга к шлюпке, но стреляли с горы. Далеко ли до ближайшей земли? Если мы упадем в океан, как выбраться?

— В океане только остров Рин. Но на планете нет ничего страшнее этого острова. Если мы туда попадем, нас ждет рабство. Унизительное, полностью бесправное рабство, о котором вы не имеете ни малейшего представления. Ни ваши исторические книги, ни видеокристаллы не могут передать чувства того, кто сам его испытал...

— Постой... Я не понимаю... Ты знаешь о наших книгах? Откуда?

— Я многое знаю, Ротанов, и ты давно догадался, что я не простая борейка. Когда-то я была хозяйкой этой планеты, и тогда здесь не было рабства. Но это долгая история, и ни к чему тебе теперь бесполезные сведения. Если мы долетим — я расскажу все.

— Давай я помогу тебе выбраться, щупальца слабеют все больше.

— Не надо. Если змей почувствует, что в лапе ничего нет, он может повернуть обратно. К тому же у меня не хватит сил держаться наверху.

Она надолго замолчала. Ветер постепенно усиливался. Совсем близко плясали яростные гребни покрытых пеной валов. Над ними летели темные рваные полотнища облаков.

— Не жалеешь, что вышла за меня замуж? Муж из меня неважный, охотиться я не умею, да и на змеях раньше не летал, не знаю, как это правильно делать.

Ротанов хотел пошутить, но шутки не получилось, и она ответила неожиданно серьезно:

— Я долго решала, поверь. Мне нелегко было сделать выбор, потому что я искала человека, способного разделить со мной ответственность за судьбы многих людей на этой планете. Ты оказался настоящим мужчиной там, в храме, но еще раньше я знала, что не ошиблась.

Змей падал, как огромный аэростат. Его неуклюжее тело все еще висело в воздухе, поддерживаемое судорожными рывками беспорядочно хлопавших крыльев, но хвост уже задевал гребни волн, и в море за ними тянулся отчетливый пенный след. Ротанов осмотрел горизонт и не увидел ничего, кроме равномерной серой поверхности моря, испещренной гребнями волн. Впереди сверкнула далекая зарница, и в ее неверном свете на какую-то долю мгновения он заметил очертания скал.

До воды оставалось всего несколько метров. Каждую секунду чудовище могло рухнуть вниз и утопить их. Нужно было немедленно прыгать. Ротанов решительно раздвинул оплетавшие девушку живые, но уже почти бессильные канаты, прижал ее к себе и прыгнул.

Удар о воду оказался сильнее, чем он предполагал, и на несколько секунд оглушил его. Этого было достаточно, чтобы оказаться на значительной глубине. Ротанов отчаянно боролся, но руки были заняты. Перед глазами ужеплыли темные круги, когда он наконец вырвался на поверхность. Впереди в какой-то сотне метров от них змей с ревом рухнул в море. Несколько минут его голова еще торчала над водой, то и дело захлестываемая волнами, потом исчезла.

Глава 7. ДЕЛА ОКОЛОЗЕМНЫЕ

Рейсовик Земля — База обогнул Луну и, раскрыв невидимые купола гравитационных парашютов, пошел на посадку. В иллюминаторы светило солнце. Светофильтры не могли полностью подавить его ослепительный режущий свет. Прищурившись, Ольга старалась рассмотреть приближавшуюся поверхность лунного кратера. Самой базы не было видно. Ее основные помещения, ангары звездных кораблей, мастерские, жилые отсеки — все ушло глубоко под поверхность Луны, и только диспетчерская рубка старого космодрома выделялась на сером фоне однообразных скал, кольцом венчавших кратер у самого горизонта.

— Через пять минут наш ракетоплан совершит посадку, пожалуйста, закройте кресла...

Ольга чуть помедлила исполнить последний совет, и темный защитный купол, подчиняясь команде автомата, опустился сверху, отрезав ее от внешнего мира. На небольшом экранчике перед самым лицом бежали строчки последних сообщений.

«Закончено строительство флагманского корабля «Орфей». Эскадра в сто сорок кораблей готова к старту. На внешних базах седьмой колонии состоялась новая стычка с «Черными кораблями». Атака отбита. Погашены восемь кораблей из десяти нападавших. С нашей стороны потерь нет. Сегодня высший совет утвердил кандидатуру Торсона на должность командующего эскадрой. Старт назначен через месяц, подбор участников экспедиции уже завершен. Комиссия отобрала восемьсот специалистов...»

Ольга закрыла глаза и тяжело вздохнула. Она не вошла в эту группу счастливых, хотя сделала все, что могла. Слишком высокие требования к подготовке и физическому состоянию кандидатов предъявляла комиссия.

Она надеялась, что будет принят во внимание ее опыт, но, видимо, медицинское заключение оказалось таким, что ей все же отказали. И вот теперь у нее оставался один-единственный шанс. Руководитель экспедиции распоряжался специальной квотой, он мог своей властью включить в состав экспедиции десять человек, не считаясь с заключением комиссии... Вот только захочет ли? Сумеет ли она в течение короткой беседы убедить этого человека? Как передать ему ощущение безысходности, безвозвратной утраты самого близкого человека? Поймет ли, согласится ли с тем, что она должна быть там, не может не быть... Захочет ли вообще ее выслушать, ведь он так занят в эти предстартовые дни! Что ему просьба какого-то незнакомого биолога?..

— Раньше надо было что-то предпринимать, — жестко сказала она себе. — Раньше, пока любимый человек был здесь, на Земле...

Тогда она медлила, ждала, и только теперь, когда бесследно исчезла особая группа и надежд на встречу почти не осталось, вдруг поняла, что ее бесконечное ожидание кончилось, что пора действовать.

Земля уже взошла, ее призрачный голубоватый свет лился сверху с потолочных экранов, создающих иллюзию неба над головой. Торсон шел мимо каменных домиков по широкой площади центрального проспекта. Большинство окон в домах закрывали непрозрачные экраны, и хотя сквозь щели кое-где пробивался свет, ему казалось, что дома ослепли. Часы на табло показывали четыре утра по Земному времени. На улице почти никого не было в этот срединный между двумя сменами час, и Торсон шел не торопясь, с удовольствием вдыхая прохладный стерильный воздух, чуть пахнувший резиной и пластиком регенераторов. Постепенно улица сузилась, а искусственный небосвод с голубым шаром Земли наклонился и стал как будто ниже. Уже виднелся конец проспекта: глухая стена из серого базальта словно отсекала живое тело города, гасила небосвод. Где-то здесь должен быть лифт. Только сейчас Торсон почувствовал, как ему не хватает широкого, ничем не ограниченного пространства, без этого экранного светила над головой. Рука сама собой нащупала в кармане его личный универсальный ключ, открывавший на базе любую дверь.

К его удивлению, ключ не понадобился: кабина лифта оказалась открытой. Маленькая кабинка неохотно понесла его вверх, и Торсон вошел в диспетчерскую рубку. Здесь было сумрачно и тихо. Едва слышно шелкал какой-то дежурный прибор, да желтый огонек светился на правом пульте. Постепенно из полумрака выступили контуры предметов. Торсон ошупью нашел кресло. Прошло еще несколько секунд, прежде чем он понял, что в соседнем кресле слева от него кто-то сидит. Это была спящая женщина. Он слышал ровное ее дыхание.

— Что вы здесь делаете?

Она проснулась, сразу, мгновенно, как просыпаются животные, все время ждущие неведомой опасности. Резким движением откинула назад волосы, и ее голос прозвучал в пустом помещении рубки звонко и отчетливо, словно она и не спала вовсе секунду назад:

— Я жду здесь одного человека. А вы кто?

— Какого человека? — еще более сурово спросил Торсон, досадуя на себя, что прервал ее сон, и в то же время не будучи в силах смириться с явным нарушением устава. В диспетчерской рубке не имел права находиться ни один посторонний человек. В конце концов это же не зал свиданий.

— Капитана Торсона.

— Я Торсон.

Она недоверчиво хмыкнула, потом протянула руку и щелкнула на своем пульте каким-то выключателем. Боковая потолочная панель осветилась, и теперь он смог рассмотреть ее. Это была совершенно незнакомая ему женщина с излишне суровым, красивым лицом. Ей было, наверное, около тридцати. Видимо, она сразу же узнала его, потому что как-то вся сникла и явно растерялась.

— Простите... Мне сказали, что вы здесь бываете, что это единственный способ встретиться с вами. В общем-то я не очень этому поверила, тем не менее я дежурю здесь третьи сутки. У меня не осталось иного выхода.

— Почему бы не прийти ко мне обычным путем, как это делают все? — проворчал Торсон.

— А вы как-нибудь попробуйте сами записаться к себе на прием под чужой фамилией, тогда узнаете, как это просто.

— Что, не пускают?

Наконец-то он улыбнулся. Женщина вздохнула.

— Не то слово. Наверное, в прошлом легче было получить аудиенцию у какого-нибудь короля.

— Что делать! Слишком много людей хотели бы меня видеть и чаще всего по пустякам. У меня не хватает на всех времени. Зато у меня есть заместители. Целая куча заместителей!

— Я не могла обратиться к заместителям, мне нужны были вы.

— Ну хорошо, слушаю вас.

— Мне нужно попасть в вашу экспедицию. — Она явно волновалась, говорила сбивчиво, отрывисто. — Очень нужно. Необходимо...

— Я вам верю, — неожиданно мягко сказал Торсон. — Иначе бы вы не сидели здесь трое суток. Но все же не волнуйтесь и постарайтесь яснее изложить причины.

— Вы меня совсем не помните? Десять лет назад. Экспедиция к Гидре. Эвакуация остатков Земной колонии. Я была в числе колонистов, которых эвакуировал ваш корабль. Еще раньше вас на Гидре побывал Ротанов...

— Это я знаю.

— Да, так вот, Ротанов...

— Какая у вас специальность?

— Я космобиолог. У меня есть опыт лечения людей после контакта с антипространством... Я была в числе колонистов на Дзете.

— Вы обращались в комиссию?

— Да.

— Отказ?

— Не знаю точной причины, но, очевидно, не все в порядке со здоровьем. После Гидры это не удивительно. Вам нужны еще какие-нибудь данные?

— Нет, достаточно.

Торсон не знал, что ей ответить. Он не мог просто так подарить этой женщине одно из своих резервных мест. В то же время он понимал, что не пустой каприз привел ее к нему. Здесь что-то серьезное, очень серьезное. Ротанов, Ротанов!..

— Почему вы не хотите ждать на Земле, как ждут все?

— Потому что я слишком долго ждала как все, много лет, потому что экспедиция вообще может не вернуться обратно. Потому что, кроме этого последнего шанса увидеть его, у меня ничего больше не осталось, даже надежды...

Она надолго замолчала. Торсон тоже молчал и сидел, откинувшись на спинку кресла. Свет Земли пробивал стеклянные стены рубки. Он казался здесь чем-то осязаемым, вещественным. Голубым водопадом? Нет, водопады всегда падают с ревом и грохотом. Свет Земли падал на них в тишине. Разноцветные огни спутников и космических станций перемигивались вокруг яркого праздничного диска родной планеты, и где-то в стороне,

сбоку, почти пригашенные ее светом, притаились едва заметные пятнышки далеких звезд.

Торсон думал о том, почему люди не могут жить просто. Почему они никогда не довольствуются тем, что им по силам. Однажды он попытался, и ему почти удалось начать новую жизнь так, как учили древние философы, — в тишине и смирении. Но потом пришел человек, которого звали Ротанов, и вновь увлек его в космос...

Он уже почти знал, каким будет его решение, когда она заговорила вновь:

— Ждать на Земле может лишь тот, кто знает, чего он ждет. Человек, которого ищу я, не вернется ко мне даже в том случае, если вернется на Землю. Он строит воздушные замки, гоняется за химерами. Но только его замки почему-то иногда оказываются крепче каменных, а химеры... слишком живыми... Где-то я должна встретить его еще раз, как встретила однажды. Только так может что-то свершиться, нечаянно, вдруг. Ждать мне больше нечего...

— Не очень-то вы смиренны.

— Смиренна? Нет, не такое племя меня воспитало. Вспомните Гидру, вы ведь хорошо ее знали... Смиренные там не выжидали. Но меня воспитали гордой, и только поэтому я ждала так долго. Сейчас ничто меня уже не остановит.

— Скажите, только честно, как вы поступите в том случае, если я откажу в вашей просьбе?

— Тогда мне придется проникнуть на один из ваших кораблей нелегально. Я знаю одиннадцать способов...

— В ваши годы я знал пятнадцать. Оставьте ваше заявление в штабе. То есть нет, не оставляйте. Дайте мне его сейчас, так будет надежнее. Я вовсе не хочу, чтобы у меня на корабле появлялись зайцы. Да, и вот еще что. Этого пока никто не знает. Старт решено ускорить. Так что летите на Землю, заканчивайте все свои дела и прощайтесь надолго. Это будет трудная экспедиция. Может быть, самая трудная из всех, какие я знал...

Глава 8. ПЛЕННИК

Энергия утекла быстро, и бластер превратился в игрушку. Тогда-то и навалились на него рои. Последнее, что Павел вспомнил, прежде чем рухнуть под тяжестью навалившихся на него тел, была мысль о том, что все выстрелы достигли-таки цели, разворотив внутренности летающему монстру, которого так ненавидел и боялся Ларт. Он видел, как змей судорожно задергался в воздухе, беспорядочно захлопал крыльями. «Недалеко теперь улетит этот ваш стрик», — еще раз подумал Павел, и это была его последняя мысль.

* * *

Человек стоял в ряду одинаковых, похожих друг на друга как две капли воды обнаженных людей, странно безликих, равно-

душных, покорных. Человек не знал, кто он, не знал, почему здесь стоит, и лишь смутно чувствовал, что в этом строю кто-то ему нужен. Он старался вспомнить и не мог, старался найти знакомое лицо, но все лица выглядели как зеркальные отражения одного-единственного лица. Те, кто стоял впереди него, через равные промежутки времени один за другим исчезали в распахивающихся перед ними дверях. Тогда весь ряд продвигался вперед. Смутно он понимал, что лицо друга в этой толпе необходимо обнаружить сейчас, немедленно, прежде чем его поглотит страшная дверь. Это казалось ему очень важным. Важным для чего?

В мозгу человека рождалось все больше вопросов. Мысли рождали боль. Хорошо было стоять вот так, тихо и ровно, как все. Но когда он пытался понять, как здесь очутился, резкая боль словно простреливала голову от лба до затылка. Тогда он догадался разбить эту простую, в сущности, мысль на еще более простые. Вот он входит. Дверь закрывается. Но до этого он стоял совсем в другом месте. Там был низкий, сводчатый потолок, длинный металлический стол, ремни, приковавшие тело к его поверхности... Укол. Еще укол... Тонкое жужжание в ушах... И потом у него не стало именн... резкий болевой укол. Он подошел слишком близко к запретному для мыслей порогу.

А до двери оставалось всего четыре шага. Четыре минуты. И тогда, приказав себе вытерпеть все до конца, он преодолел болевой порог и приказал включиться закрытому подсознанию. Когда-то он умел это делать, его этому учили.

Он едва не потерял сознание, но преодолел себя, вытянулся и замер с неподвижным лицом. Теперь он помнил и знал все. Теперь он был готов к продолжению своего нелегкого пути. Боль уже не была властна над ним, побежденная просветленным сознанием и волей. Он снял со своего мозга чужое воздействие, чужие запреты, чужую волю.

«Прежде всего Ларт. Необходимо найти Ларта». Но Ларта не было. Павел стоял последним в ряду. Дверь открылась, и он вошел внутрь. Небольшая комната, голые стены и стол посредине. Лишь через секунду он понял, что это не стол. Вернее, не совсем стол. Четыре ножки, широкая поверхность с рулонами и карточками — все это было. Но здесь было еще и человеческое лицо. Вернее, гипертрофированная человеческая голова, составлявшая со столом единое целое. Она уставилась на Павла немигающими глазами и пожевала губами.

— Имя, фамилия, должность! Отвечать сразу и быстро!

— Должности нет, имени не помню! — не задумываясь, ответил Павел, не желавший раньше времени раскрывать свою с таким трудом возвращенную память.

— Правильно. Должность получите позже. Задаю следующий вопрос: «Кто является главным врагом нашего горячо любимого острова?»

— Врагов не знаю! — четко отрапортовал Павел и сразу же понял, что на этот раз промахнулся.

— Вы не знаете врагов? — Стол заволновался, его поверхность слегка изогнулась, и огромный лоб нахмурился, а ручки беспорядочно забегали среди бумаг. — Чем они там занимают-

ся в отделе нормативов! Ко мне поступает совершенно неподготовленный материал! Придется отправить на повторную обработку!

Павел понял, что терять ему нечего. Перед ним был робот, обыкновенный биологический робот довольно примитивного класса. Вот только вел он себя несколько странно для робота: слишком по-человечески удивился. Роботы не умеют удивляться. Тем не менее в таком узкоспециализированном существе — механизме не может быть большого интеллекта. На этом он и решил сыграть, да еще на том, что в роботах должна быть определенная программа, руководство к действию. Нужно было поставить робота в тупик, выбить из привычной колеи, заставить принять нестандартное решение. Как минимум, это даст дополнительное время, а там посмотрим, как сложатся обстоятельства.

— Обработке не подлежу! — все тем же казенным уставным тоном заявил Павел.

— Не подлежите обработке? Это еще почему? — искренне удивился робот, и его удивление укрепило в Павле убежденность, что он действует правильно.

— Это тайна. Но вам, только вам, я могу ее доверить.

Павел хотел приблизиться к роботу, но тот отшатнулся.

— Соблюдать дистанцию! Никаких фокусов я не позволю!

— Я только хотел вам, лично вам... — Павел оглянулся. — Кругом враги, тайну нельзя разглашать!

— Врагов на острове нет! Можете говорить. У меня хороший слух!

— Дело в том, мой дорогой друг, что я — человек. Человек не подлежит обработке.

— Человек, человек, человек... — забормотал робот, его толстые уродливые губы скривились не то в усмешке, не то в гримасе непонимания. Одна из ножек стола дрогнула и вдруг, нелепо изогнувшись, почесала голову. Если бы не трагизм положения, в котором находился Павел, он бы расхохотался.

Маленькие ручки торопливо перебирали карточки на столе, словно отыскивали среди них ответ. Видно, не найдя его, робот наконец спросил:

— Что такое человек?

— Человек — это существо, обладающее свободой воли и разума. Ты знаешь, кто тебя создал?

— Конечно. Великий Эсхин. Высшее счастье состоит в выполнении воли Эскина. Тебя надо исправить, дорогой человек. Тебя надо отправить на переделку, чтобы ты мог постигнуть высшую истину и познать наконец, в чем состоит счастье любого живого существа.

— В чем же оно?

— В выполнении божественной воли Эскина. Только его предначертания...

Павел перестал слушать. У него не было времени вникать в смысл бредовой проповеди. «Похоже, с ним не договоришься. Программа, заложенная в его блоки, требует беспрекословного подчинения. К нему нужен ключ простой и безотказный...»

— Эсхин — человек! — почти выкрикнул он в широкое лицо робота, следуя внезапно родившемуся в его сознании плану.

— Эсхин — это Эсхин.

— Эсхин — человек. Я тоже человек. Мы с твоим господином одного племени. Ты можешь послать в обработку Эсхина?

Он заметил, как мелко затряслись ножки и унылое лицо покраснело предательская бледность.

— Что ты говоришь, человек?! Эсхин велик! Только почтение...

— Да погоди ты со своим почтением! Что с тобой будет, если ты сейчас ошибешься? Как у вас поступают с роботами, нарушившими основные правила программы?

— У меня нет данных, что Эсхин — человек! Нигде нет таких данных! — в отчаянии выкрикнул робот.

— Может быть, у тебя есть данные, что Эсхин не человек? — задал свой самый коварный вопрос Павел, надеясь, что этот орешек из логики древних окажется не по зубам роботу. У него были все основания продолжать эту дурацкую беседу хотя бы для того, чтобы выиграть время. С каждой секундой он все больше чувствовал, как его тренированный организм справляется с отравой, введенной в его кровь. Все четче становилась мысль. Стальной обруч боли, стискивавший виски, слабел. Медленно, осторожно он напряг мускулы, глубоко вздохнул и задержал воздух. Пожалуй, можно попробовать... В помещение вели две двери, через одну он вошел и не хотел возвращаться обратно, там слишком сильная охрана. Остался один путь — вперед. Четыре шага до двери он пролетел в одно мгновение, распахнул ее и исчез, прежде чем робот сообразил, что, собственно, произошло. Отчаянный вопль робота долетел сквозь захлопнувшуюся дверь.

— Эсхин — человек! Эсхин может быть человеком потому, что нет данных, опровергающих это! Теперь я знаю: великий Эсхин — Человек!

— Ну все, этого ему хватит надолго, — пробормотал Павел, стремительно продвигаясь вдоль длинного, ярко освещенного коридора. Сюда, видимо, поступал обработанный и прошедший контроль «материал». Охранять этих несчастных уже не было надобности. Впервые за весь сегодняшний день он почувствовал, как удушливая волна гнева перехватила дыхание, и понял, что окончательно пришел в норму.

Коридор тянулся метров на пятьдесят. Первым делом надо было сбить с толку погоню и раздобыть какое-нибудь оружие. Еще одна дверь. Огромный, вытянутый в длину зал. Четыре узких прохода, перегороденных невысокими, не доходящими до потолка стенами. Между этими стенами узкие длинные ячейки. В них неподвижные, похожие на мумии фигуры. Роботы? Скафандры?.. Вдруг он понял, что это такое. Где-то здесь среди этих безмолвных, усупленных кукол должен быть Ларт. Павел задержался, вглядываясь в одинаковые, похожие друг на друга лица... Зал слишком велик, на поиски уйдет много времени, и ничем он не сможет ему сейчас помочь, даже если найдет. Надо добраться до тех, кто управляет этим паноптикумом, до тех, кто позволил себе превращать живых людей в механических кукол... Ларт поймет. На его месте он сделал бы то же самое... Вот, значит, куда деваются вошедшие в возраст, набравшиеся опыта охотники племени...

Он услышал за дверью грохот тяжелых ботинок. Погоня уже совсем близка. Судя по звуку, там — закованные в тяжелые скафандры роботы внешней охраны. Ему показалось, что по коридору несется стадо взбесившихся слонов, и он понял, что не успеет перебежать зал, не успеет достичь противоположной двери. Охранные роботы наверняка вооружены. Достаточно одного выстрела, они не промахнутся... Надо что-то немедленно придумать. У него оставалось две-три секунды. И вдруг, взглянув на серые лохмотья, заменившие его одежду, он понял, что нужно делать...

Пустая ячейка нашлась почти сразу, вполне возможно, что она предназначалась именно для него... Втиснуться в каменный четырехугольник, замереть, заставить тело окостенеть — все это было не так уж сложно. Гораздо труднее оказалось ждать. Все внутри его клокотало от гнева. Его, звездолетчика первого класса, землянина, побывавшего в десятке труднейших экспедиций, хотели превратить в механическую куклу, лишить памяти, воли!..

Шаги все ближе. Сквозь прищуренные веки он увидел, как разделилась охрана, и с трудом сдержал искушение броситься на бронированную глыбу робота. Но лишь задержал дыхание. Слиясь со стеной, стал неотличим от сотен серых недвижимых фигур, втиснутых в каменные ячейки. Робот промчался мимо. Грохнула дверь, послышался удаляющийся топот. Но все ли они ушли? Или оставили засаду? Не надо недооценивать противника. Не так уж глупы эти охранные роботы. Он имел возможность познакомиться с ними, когда корабль, на котором везли их с Лартом после неудачного поединка на вершине горы, пристал к берегу. Первая схватка закончилась полным поражением. Оглушенного и беспомощного, его приволокли на операционный стол, сделали инъекцию...

Осторожно и плавно, стараясь не издать ни одного лишнего звука, он выглянул из своей ниши. Так и есть, один робот остался у двери. Он даже не очень скрывался. Уставился в проход своей безликой тупорылой мордой. Щитки на шлеме скафандра тускло поблескивали. Электронный разрядник он держал стволом вниз, но Павел уже знал, какова реакция этих механизмов, и не сомневался, что стоит обнаружить себя, как его уложат на месте. Мощность выстрела таких разрядников легко отрегулировать, он почти не сомневался, что его не станут убивать, но от этого было не легче... Что же делать? Может быть, подождать? Не вечно же там будет стоять пост... Это так, но вряд ли у роботов меньше терпения, и в конце концов его обнаружат... Горячка первых минут прошла, и теперь он чувствовал озноб и усталость. Все-таки уколы не прошли для него даром. Нужно было что-то предпринимать... Он осторожно обернулся и увидел у себя за спиной медные шины контактов. Почувствовал, как похолодела спина от мысли, что он мог бы сейчас стоять здесь неподвижно, ко всему безучастный, и эти контакты прикасались бы сейчас к его обнаженной коже... Неожиданно послышался щелчок, и между шинами проскочила синяя искорка разряда. Почти в то же мгновение в зале что-то изменилось. Он увидел, как фигура стоящего напро-

тив него человека-робота дернулась, вытянулась и медленно поползла вверх к потолку, где уже открылись квадратные люки.

Вот он, выход!

Но его собственная кабина оставалась неподвижной. Медленно и бесшумно справа и слева от него оживали ячейки, унося свое содержимое в какой-то верхний ярус. Вот откуда этот разряд, и вот почему осталась неподвижной его собственная кабина! Ее контакты были не замкнуты человеческим телом... Можно бы поискать какой-нибудь металлический обломок и замкнуть контакты, но он не хотел рисковать. Сопротивление между зажимами должно быть вполне определенным, и он хорошо понимал, каким именно. В конце концов, это не так уж страшно: разряд пройдет лишь через руку...

У него уже не было времени раздумывать. Кабины справа и слева почти достигли потолка. Стиснув зубы, он схватился левой рукой за обнаженные шины контактов. Удар был резкий, но не сильный; все же рука онемела на некоторое время. Кабина быстро поползла вверх, догоняя остальные.

Глава 9. ЭКСПЕРИМЕНТАТОРЫ

Вода была теплой. Высокие валы то и дело подбрасывали Ротанова, и тогда он видел вдали мрачную тучу, лежащую на поверхности моря, подсвеченную ветвистыми разрядами молний. Туча постепенно приближалась: то ли ветер гнал ее, то ли течение несло их вперед, навстречу грозе. И только сейчас Ротанов заметил странную особенность: очертания тучи не менялись. Он прокричал девушке о том, что это может быть остров. Она согласно кивнула.

— Не понимаю, откуда тогда эти молнии?

— Это не молнии. Это электрические орудия острова Рин.

Ему показалось, что он ослышался. Слишком уж неправдоподобным выглядел этот фейерверк яростных разрядов.

Кипящая полоса воды была уже совсем близко. Девушка что-то крикнула ему, но от грохота разрядов ничего не было слышно... И вдруг наступила странная, неправдоподобная тишина.

— Интервал полчасика. Сейчас, пока они накапливают энергию, надо успеть проскочить зону защиты, может быть, нам повезет...

Ротанову показалось, что они стали двигаться вперед быстрее. Снова сверкнула молния. Широкий разряд осветил небо над головой, и Ротанов увидел очертания берега. Вскоре они оказались в небольшой бухте, защищенной отвесными скалами. Они нашли в скалах углубление, выбитое волнами, что-то вроде маленького грота. Здесь было тепло и тихо.

Вода попала за воротник защитного костюма.

— Извини, — сказал Ротанов. — Я должен раздеться и вылить воду.

Она усмехнулась.

— Ничего, ты же теперь мой муж, можешь не стесняться.

Он стянул с себя защитный комбинезон. Темный рубиновый огонек вспыхнул у него на груди. Ротанов почти забыл об этом

камне, вызвавшем в свое время столько раздумий и споров. Со временем он привык к нему, камень стал его постоянным спутником.

Он оделся, снял камень, согрел его в ладонях. Обернувшись, увидел вдруг, как побелело лицо девушки.

— Что с тобой?

— Откуда это у тебя, Ротанов? — Она указала на камень.

— Подарок. Я тебе говорил, что наши колесницы летают на далекие звезды. На одной из них прекрасная принцесса подарила мне этот талисман.

— Оставь свои шутки. Это слишком серьезно!

— Ну а если серьезно, так в одной из дальних экспедиций я встретился с рэнитами. Так себя называли пришельцы из далекого прошлого, победившие, казалось, само время и жестоко наказанные этим самым временем за свое чрезмерное самомнение. — Он осторожно погладил широкие светлые грани и улыбнулся, вспомнив лицо рэнитки, в диадеме которой некогда сверкал этот камень. Ее звали Вельда. Это ее подарок. Все, что осталось от рэнитов. Кроме развалин на далеких планетах и еще, пожалуй, памяти...

— Ты хоть знаешь, что это такое?

— Я же тебе сказал — талисман. Талисман, на счастье.

— Это не талисман, Ротанов. Это ключ от Хронара.

— Ключ от... — И вдруг он осознал то, что она сказала. — Ты знаешь, что такое Хронар?

— Еще бы мне не знать! Я была его хранительницей целых... Впрочем, это неважно. Значит, ты знал мой народ? Как это случилось? Когда?

И он рассказал ей о планете Реане, о своем броске сквозь время, о женщине, что называла его коротко и певуче — Ролано...

— Много позже я побывал на этой планете еще раз. И не нашел там никого. А в доме, где я когда-то жил, нашел этот камень.

— Кажется, я знаю, о какой экспедиции ты говоришь.

— Расскажи мне, что ты знаешь о Хронаре.

— В каждой экспедиции, чтобы избежать случайностей, небудуманных поступков, злоупотреблений, наконец, всегда назначалась хранительница Хронара. Как правило, это была женщина. Может быть, потому, что женщины острее чувствуют ответственность за все живое, а использование Хронара всегда сопряжено с опасностью для различных форм жизни. Без согласия хранительницы нельзя было воспользоваться Хронаром. Он мог быть пущен или остановлен только таким вот ключом и только в присутствии той, чьи биотоки отпечатаны в структуре этого кристалла. Я уничтожила свой кристалл. Не было другого выхода.

Она надолго замолчала. И он тоже молчал, понимая, что бывают минуты, когда неосторожный вопрос может причинить человеку слишком сильную боль. Волны с шумом разбивались о камни одна за другой. Казалось, в самом ритме их скрыто все то же время, все тот же огромный маятник, отмеряющий настоящее.

— На каждом корабле рэнитов был свой Хронар. Наши корабли летели со скоростью, близкой к скорости света, и время многократно замедлялось во время полета... Мы выбирали безжизненную планету, чтобы никому не вредить...

— Не бывает полностью безжизненных планет. Вы не могли знать, какие формы жизни зародились бы на них в последующие тысячелетия!

— Да, ты прав. Но в данном случае мы выбрали планету, которую ждала гибель. Наши ученые рассчитали, что звезде грозит гравитационная смерть, и я дала согласие на включение Хронара. Тогда мы еще не знали, что области «черных дыр» соприкасаются с иной вселенной... Мы искали бессмертия, победы над временем...

— Так много развалин остается после неудавшихся экспериментов! — перебил ее Ротанов.

— Успокойся. Из нашего эксперимента ничего не вышло. Во всяком случае, не вышло ничего хорошего.

— Интересно, что ты называешь «плохим»?

— Ты заставляешь меня пожалеть о начатом разговоре. Я бы вообще его не начала, если бы не этот камень. Его не оставляют кому попало.

— Хорошо. Я постараюсь тебя не перебивать. Сейчас самое важное — информация, которой ты располагаешь, а не уязвленное самолюбие. В конце концов, нам всем вместе предстоит исправлять сделанные на этой планете ошибки.

Он не знал, хватит ли у нее мужества признать его правоту. Но он не мог не сказать ей всего, что думал, потому что искал в ней друга, союзника.

— Что собой представляет остров Рин? Это тоже ваше детище?

— Это наша бывшая база. Здесь располагалась биологическая лаборатория, изготавливались биороботы, необходимые для наших экспериментов. Кроме того, здесь был установлен Хронар. Однако после его включения произошло... Не знаю, сумею ли я объяснить... Мы сами многого не понимаем, во всяком случае, не до конца. Скорее всего в момент включения мощный энергетический импульс вызвал смещение времени в обратную сторону, так иногда бывает, вблизи больших масс, предрасположенных к гравитационному коллапсу...

— Иными словами, система вместо прошлого сдвинулась в будущее?

— Да, но неамного. В обычных условиях такой выброс в будущее легко компенсировался, но здесь он попал на момент гравитационной смерти звезды, и почему-то весь процесс вышел из-под нашего контроля. В принципе коллапс должен быть мгновенным, но здесь этого не случилось. Создалось впечатление, что внутри самой системы кто-то «выключил» время, остановив все процессы в неустойчивом равновесии. Имевшимися средствами мы ничего не могли изменить. Даже Хронар вел себя необычно, он не выключился полностью после завершения цикла. Часть энергии из него продолжала поступать к звезде, и мы вынуждены были смонтировать специальные энергетические установки для его подпитки. Установившееся равновесие было на-

столько неустойчивым, что мы боялись предпринять что-либо... А потом появилось озеро Забвения...

— Что собой представляет это озеро?

— Собственно, это не озеро. Воды в нем нет. Это некая неизвестная нам субстанция, проникающая в наш мир из другой вселенной. «Черная дыра» — это же ворота в иной мир. Через них чужой мир, как видно, проник в нашу вселенную. Сразу же после появления озера Эсхин захватил власть. На острове началась схватка между роботами, программа которых осталась неизменной, и теми, которых Эсхину удалось использовать в своих целях. С роботами вообще творилось что-то странное, порой они выходили из-под всякого контроля и начинали действовать самостоятельно... Во всяком случае, я потерпела полное поражение в борьбе с Эсхином. Он захватил Хронар и остров. Правда, Хронаром без ключа он не мог управлять. Именно тогда, боясь плена, я уничтожила свой ключ. Мне удалось бежать и скрыться у бореев под видом дочери жреца. Не этого жреца. Этот родился значительно позже. С тех пор у бореев сменилось уже два поколения, и все это время я оставалась «Той, что прячет свое лицо». Не знаю, искал ли меня Эсхин или моя судьба стала для него безразлична. Во всяком случае, он воспользовался станцией для своих собственных целей. Для установления господства на всей планете, для подчинения всех местных племен и использования их для каких-то своих, неведомых мне целей.

— Как он это сделал?

— С помощью биороботов. Эсхин предпочитал не покидать острова. Но он вывел целые стада различных монстров, приблизил к себе, а затем полностью подчинил своей воле племя роев и сделал их управителями планеты, своеобразными надсмотрщиками.

Как бы подтверждая ее слова, над островом прокатился удар грома, от которого содрогнулись скалы. Ослепительное синее полотнище молнии заполнило весь горизонт.

— Почему так расточительно действует защита острова?

— С тех пор как появилось озеро, энергетический баланс планеты нарушился. Образовался острый дефицит энергии. Зато здесь, на Рине, вблизи самого озера, наоборот, образовался ее избыток. Мне кажется, что Эсхин был вынужден построить эти установки, чтобы избавляться время от времени от лишней энергии, переполнявшей его хранилища.

— Похоже, это своеобразные разрядники. Но тогда...

Он не договорил, сдерживая волнение, рванул застежку рюкзака и вынул мезонную батарею. Индикатор разряда чуть заметно тлел у самого нижнего деления. Это означало, что в полностью разряженной батарее уже появилась энергия. Значит, защита скоро вновь начнет действовать. Теперь важен каждый лишний час. Он выглянул из ниши в скале и осмотрелся. Волны по-прежнему с грохотом набегали на песок, обдавали берег каскадом брызг. То и дело ослепительно сверкали сполохи молний. Скалы казались ровными и гладкими, а бухта, примостившаяся у их подножия, совсем крохотной. Здесь не было ни крупных камней, ни растительности, только пятючок песчаной отмели у самого подножия скал да открытый всем ветрам неглубокий грот.

— Негде даже укрыться, мы здесь как на ладони. Как только начнется рассвет, нас обнаружат.

— Нас давно обнаружили. На острове очень чувствительные биологические детекторы. Кроме того, Эсхин наверняка следил за полетом змея.

— Так где же он...

— А зачем ему спешить? Мы полностью в его власти. Возможно, ему интересно наблюдать за нашим поведением.

— Ты думаешь, он нас видит?

— Почти наверняка.

— И слышит наш разговор?

— Ну, это вряд ли. — Элна поднялась с песка, подошла и встала с ним рядом. — Скажи, тебе страшно?

— Я не умею бояться заранее. К тому же у меня никогда не хватает на это времени.

— Я всегда мечтала, что придет день, когда я вновь буду стоять на берегу этого проклятого острова и рядом со мной окажется такой человек, как ты. И это будет началом конца для того, кто принес зло на эту планету.

Глава 10. ОГНЕННАЯ ПИРАМИДА

Незнакомец показался Ротанову очень худым, очень высоким и очень старым. Сумеречный рассеянный свет позволял хорошо рассмотреть черты его лица. Мертвенная, слегка желтоватая кожа плотно обтягивала широкий лоб и казалась иссушенной временем. Глаза так глубоко запали в глазницы, что почти не были видны.

Появился он не совсем обычным путем. Под воздействием какого-то энергетического луча часть береговой скалы разрушилась, и в ней образовался проход. Элна была права, очевидно, за ними наблюдали с первого момента появления на острове. Несколько секунд длилось напряженное молчание. Ротанов хотел пойти навстречу незнакомцу, но Элна сжала ему руку и шепнула:

— Осторожно. Это сам Эсхин.

Так вот он каков, правитель острова Рин, повелитель всей планеты! В его надменной позе, в самом его появлении из развершейся скалы, в окружении охранных роботов было что-то театральное. Ротанов никак не мог заставить себя принять его всерьез и не знал, как с ним держаться.

— Давайте сразу уточним ситуацию. Кто я, вы, очевидно, знаете. Но мне не совсем понятно, кто вы. От чьего имени вы собираетесь говорить со мной, в данном случае официально представляющим здесь Земную федерацию.

Эсхин презрительно хмыкнул:

— Бросьте, Ротанов, никого вы не представляете. Ваш корабль ушел, шлюпка не может двинуться с места, а экипаж... В настоящее время это кучка разобитых безоружных людей. Мы оставили вас в покое только потому, что не было необходимости в вашей изоляции.

— Если бы все было так, вы не стали бы сейчас со мной беседовать.

— Почему? Здесь довольно скучно, на нашем острове, отчего не побеседовать со свежим человеком? Что касается вашего вопроса о том, кого я представляю, то представляю я самого себя. — Он хрипло рассмеялся. — Неправда ли, это приятно — представлять самого себя?

— Не знаю, не пробовал, — сухо ответил Ротанов.

Он все не мог понять, чего, собственно, добивается от него Эсхин? Зачем ему понадобилась эта встреча, что за всем этим кроется? Он вдруг подумал, что Эсхин больше играет в могущество, чем обладает им на самом деле. Остатки техники, не им созданной и, вероятно, уже изрядно потрепанной, роботы да несколько диких племен, подчиненных роям и, вероятно, недовольных своим положением. Не так уж велика его власть... Вряд ли он имеет отношение к «Черным пузырям». Хотя кто знает? Элна намекала, что как-то он связан с этим таинственным озером. Вот где надо искать разгадку — в озере. Значит, нужно договориться с Эсхином, во что бы то ни стало остаться здесь, на острове, в любом качестве. Рано или поздно он найдет дорогу к этому озеру...

— Собственно, я не спешу, — мрачно усмехнувшись, вновь заговорил Эсхин. — У меня уйма времени. А вот вы... Долго ли вы сможете сидеть в этой бухте без воды и пищи? Предположим, нам не удастся договориться и я предоставляю вас своей судьбе... С острова не уйти. Подумайте, стоит ли нам ссориться?

— Может, вы и правы. Но я не умею договариваться вслепую. Если вы действительно собираетесь со мной договориться, то признайте во мне равного партнера и попробуйте толково и открыто изложить суть дела. Что вам от меня нужно?

— В сущности, ничего. Ничего важного. Это простая формальность или, если хотите, предосторожность. В вашем нынешнем качестве вы не представляете для меня интереса. Однако существует очень незначительный шанс, пусть даже один на миллион, что обстоятельства изменятся... Но ведь вы все равно ничего не поймете и ни во что не поверите, пока не убедитесь во всем сами. Я слишком хорошо изучил вас за это время, Ротанов. Противника всегда нужно хорошо знать. Итак, я вам предлагаю пойти со мной в центральный пост моей базы. Я кое-что вам там покажу. Заметьте, я приглашаю туда далеко не всякого.

Ротанова поразило, что Эсхин намеренно демонстративно не замечает присутствия Элны. Что-то за всем этим крылось... Что-то очень важное. Но он не стал возражать.

Они шли вырезанным в скале проходом, и Ротанов, внимательно всмотревшись в отполированные до блеска стенки, подумал, что здесь скорее всего поработал молекулярный резак. Может быть, фотонный — неплохая техника, совсем неплохая...

Коридор вскоре кончился, и они вошли в зал, вид которого заставил Ротанова тихонько присвистнуть. Если Эсхин собирался поразить его, то ему это удалось. После поселений бореев, после храмов и замков рэнитов он ожидал чего-то старинного, древнего или хотя бы стилизованного под глубокую

старину. Но они очутились в современной рубке управления. Здесь были исполнительные и командные устройства, индикаторы и дисплеи, волноводы и энерговоды. Вогнутые зеркала огромных пустых экранов заполняли почти все стены. Назначения многих устройств казались Ротанову непонятны, но в общих чертах рубка чем-то напоминала корабельную и не вызвала ощущения, что ее создатели — существа иного разума... Вот разве что мебель... Все кресла, столы, рабочие шкафчики были какого-то однообразного пепельного цвета и очень странной формы.

Не задерживаясь, Эсхин подошел к центральному пульту. Элна и Ротанов остановились у самого входа. Девушка нагнулась и шепнула:

— Когда-то отсюда мы принимали наши корабли. Мне кажется, прошла вечность с тех пор, странно, что аппараты все еще действуют...

Элна не скрывала своей печали, и он хорошо понимал ее состояние. Эсхин тем временем поворачивал рукоятки и переключатели. Загудели скрытые под полом моторы, шторы на центральном экране раздвинулись. Но прошло достаточно времени, прежде чем экран осветился тусклым желтоватым светом. Может быть, Эсхину трудно было справиться с управлением, в конце концов здесь должен был бы работать не один оператор. Да и сами механизмы, странный светящийся пластик экрана, следы желтых потеков, поврежденные кожухи исполнительных устройств — все говорило о том, что время все же не пощадило это некогда совершенное творение чужого инженерного гения.

Ротанов начал уже терять терпение, ему показалось, что Эсхину так и не удастся справиться с аппаратурой, когда по экрану одна за другой побежали темные полосы... Что-то не ладилось. Барахлила развертка, капризничали волноводы, видимо, датчики изображения находились слишком далеко отсюда... Постепенно на экране проступило изображение кокона, некоего темного яйца, занимавшего пол-экрана. Вокруг него пылали огоньки звезд!

Ротанову достаточно было одного взгляда на экран, чтобы узнать это небо. Перед ними был кокон свернутого пространства, и, следовательно, датчики находились снаружи и каким-то непостижимым образом передавали информацию внутрь купола.

— Не та сторона. Придется поворачивать изображение, — ворчал Эсхин. — Он начал крутить какие-то ручки, похожие на штурвалы и явно не относящиеся к первоначальной конструкции рубки, приделанные позже, что называется, «на живую нитку». Таких штурвалов было четыре — по одному у каждого операторского кресла, и Эсхину приходилось бегать между этими креслами, доворачивать то один, то другой штурвал. Видимо, он старался не нарушить синхронную работу каких-то внешних систем, и, судя по тому, что звезды на экране наконец дрогнули и поплыли в сторону, ему это удалось. В полной тишине, нарушаемой лишь тяжелым дыханием Эсхина, купол замкнутого пространства на экране начал медленно поворачиваться. Изображение стало отчетливой, ближе, и Ротанов

едва сдержал крик, потому что сбоку, из-за края черного яйца, вдруг выплыла сверкающая огненная пирамида, нацеленная своим острием в центр кокона свернутого пространства.

Острые погрузилось уже достаточно глубоко, и там, внутри кокона, его конец светился тусклым оранжевым светом. Ротанов не сразу понял, что это такое. Пирамида состояла из отдельных огненных точек, связанных между собой жгутиками раскаленных до синевы нитей. Точек было много, очень много, он никак не мог сосчитать их. Он стоял не шевелясь, словно боялся сплунуть, разрушить то чувство гордости, силы, уверенности в себе, которым веяло на него от этой пирамиды. Потому что каждая точка была отдельным, самостоятельным кораблем землян. Потому что синие нити были энергопроводами, передающими в эту секунду от корабля к кораблю целые реки энергии, способные испепелить планету, высушить море или зажечь звезду.

— А ведь они скоро прорвутся! — не в силах сдержать торжество, произнес Ротанов.

— Сопротивление возрастает с глубиной. Они не прошли зону наибольшего сопротивления, это даже теоретически невозможно. Но кто знает... При таких мощностях многие физические законы нарушаются и материя ведет себя иначе. — Эскин бросил в его сторону быстрый взгляд и продолжил: — Боюсь, вам меня не понять, Ротанов, вы еще молоды, слишком молоды по сравнению со мной... Я устал ждать, устал балансировать на грани пропасти... Вы многого не знаете, и пока что я не готов поделиться с вами всей информацией. Достаточно с вас и того, что я отдам вам эту планету со всеми ее потрохами и проблемами в обмен на энергию вашего флота. Мне хватило бы пяти минут, чтобы зарядить свои пустые емкости, и тогда я прощусь с вами... Что ж вы молчите? Устраивает вашего генерального капитана эти условия? Ведь я прошу не так уж много...

— Я не уполномочен говорить от имени командира флотилии. В вашем предложении многое неясно. Мы не собираемся мстить вам или наказывать здесь кого бы то ни было. Мы не имеем на это права. Но мы должны быть уверены, что наша помощь вам не будет использована во зло другим существам. Для чего вам энергия? Что собираетесь вы с ней делать?

— Вот поэтому мне и нужны вы, чтобы не отвечать на некоторые вопросы. Узнав, что вы мой заложник, командир флотилии не будет слишком требователен, а, Ротанов? Он ведь согласится ограничиться той информацией, которую я ему предоставлю, не так ли? Это будет вполне добротная, хорошо подобранная информация, ее будет достаточно для любого отчета.

— Вряд ли это пройдет. Так или иначе, мы узнаем правду, прежде чем примем решение. Наши принципы...

— О принципах мы поговорим позже, если ваш флот прорвется сквозь купол. Это не так-то просто. Я вам уже говорил: шанс прорыва ничтожен, исчезающе мал...

— Так ли? Вряд ли вы разговаривали бы со мной здесь, если бы всерьез не опасались вот этого. — Ротанов кивнул на огненную пирамиду, вгрызавшуюся в черный купол сжатого пространства, и оба они некоторое время вновь молча наблюдали это грандиозное зрелище.

— Будущее покажет, кто из нас прав. — Эсхин наконец отвернулся от экрана. — И если мне не удастся сделать вас единомышленником, я хочу иметь хотя бы заложника. В каком качестве вы предпочитаете остаться? В качестве гостя или в качестве пленника?

— Собственно, мне все равно. Я не стану возражать, если в наш договор будет включен еще один пункт.

— Какой же?

— Вы освободите Элну.

— Она меня давно не интересуется. Пусть отправляется куда хочет.

Какую-то странную грусть подметил Ротанов в этой фразе.

— Вы должны помочь ей покинуть остров.

— Ей предоставят транспорт и отправят, куда она пожелает. Ротанов посмотрел на Элну.

— Можно ему верить?

— В этом — да. Когда ему выгодно, он умеет держать слово.

— Ты вернешься к борейцам? Где тебя искать?

— Я найду тебя, когда придет время. Не беспокойся обо мне и будь осторожен.

«Почему она так легко согласилась расстаться, — отозвалось уязвленное мужское самолюбие. И тут же пришла другая важная мысль: — Может, ее цель именно в том и состояла, чтобы доставить меня сюда?..»

Ротанов получил относительную свободу, он мог выходить на внешнюю обзорную галерею острова, расположенную выше кольца электрических батарей, мог скитаться по всем этажам среднего яруса, покинутым много лет назад. И лишь вниз, в действующие жилые и рабочие помещения базы, путь для него был закрыт. Вначале он считал, что и этого много, что Эсхин предоставил ему слишком большую свободу, но уже через несколько дней понял: его противник неплохо все рассчитал.

Шли дни полного одиночества. Казалось, время остановилось. Информация о далеком прошлом рэнитской базы могла бы, наверное, заинтересовать земных археологов. Но он не был археологом, и его деятельная натура плохо переносила бездействие и изоляцию. Кроме охранных роботов, он не видел никого, и по вечерам его грызла тоска... Тогда он доставал свой заветный алый камень и, глядя в текучие разводы красноватых огней в его глубине, вспоминал Элну. Словно запись на киноленте, вновь и вновь видел он один и тот же момент, когда спокойно, неторопливо она сняла с головы обруч с вуалью и гордым красивым движением откинула назад волосы. Что-то она тогда сказала, что-то о наказании, о том, что память будет долгой и беспощадной. Кажется, она не ошиблась... Но странно, он видел лишь общие очертания, лишь контуры ее лица, и он не мог вспомнить деталей, больше того, временами ему казалось, что из красноватых глубин камня проступает другое, незнакомое ему лицо. Что-то в них было общее, в этих двух женских лицах, что-то глубинное, тайное...

Глава 11. ОЛЬГА

Центр пирамиды неумолимо сносило. Ни один прибор не мог уловить прямую в этом смятом, повернутом сразу вокруг нескольких осей пространстве. Луч лазера искривлялся, закручивался жгутом, уходил в сторону. Направляющие пеленги локаторов вообще не доходили до впереди идущих кораблей. Единственным более-менее надежным каналом остались пока энерговоды. Огненные реки, низвергавшиеся от кораблей поддержки к атакующей десятке центра, прожигали в изуродованном пространстве свой собственный, независимый от него канал. Если бы не это обстоятельство, флот давно вынужден был бы прекратить прорыв.

Связисты приспособились с помощью модуляции мощности передавать по энергетическим каналам самую необходимую информацию, и только в одном они были бессильны помочь — в установлении направления атаки флагманскому кораблю. Время от времени Торсон давал залп всеми носовыми батареями, и тогда фиолетовый столб пламени, прямой, как древко копья, уносился в непроглядную черноту спрессованного пространства, но это мало помогало, потому что направление все время терялось. Иногда казалось, что изгибается само тело корабля. На одной из фотографий, снятых кораблями поддержки, «Орфей» выглядел как раздавленный бублик.

Торсон сидел в своей адмиральской рубке, связанной с центральной рубкой корабля прямыми каналами. На его экраны поступала информация со всех кораблей поддержки. К сожалению, информация то и дело искажалась.

Ровный строй пирамиды сминался. Энергии не хватало. Торсон до минимума сократил расстояние между «Орфеем» и первой линией поддержки, надеясь поймать энергию на разорванный канал. Но это не помогло. Понимая, что постепенно теряет контроль над движением корабля, Торсон вызвал на связь главного энергетика.

— Необходимо немедленно затребовать сверхнормативные комплекты батарей с кораблей поддержки, — сказал энергетик.

— В такой-то обстановке? Какая шлюпка сможет подойти к кораблю в этой дьявольской мешанине?

— В таком случае положение скоро будет критическим.

Секунды две Торсон раздумывал.

— Хорошо, я попытаюсь. У нас не остается иного выхода. — И, переключив селектор на связистов, приказал: — Передайте на «Эн семнадцатый»: пусть срочно подготовят десять ракет с батареями и высылают их одну за другой с разных направлений в сторону «Орфея».

Он отключился и откинулся на спинку кресла, сомневаясь в том, что хоть одна из этих десяти ракет достигнет цели.

Уже через полчаса на пульте запрыгали зеленые огоньки, подтвердившие, что флот начал беспорядочный обстрел своего флагмана грузовыми ракетами. Автоматика отказывала: пять ракет подряд бесследно исчезли, едва оторвавшись от кораблей. Седьмая и восьмая разбились о борт флагмана, разбросав в пустоте свой бесценный груз. И лишь девятую удалось наконец состыковать с грузовым ангаром. Не успел Торсон оценить эту до-

рогостоящую победу, как с «Эн семнадцатого» сообщили, что на одной из первых, бесследно исчезнувших в пространстве ракет находился человек.

* * *

Ольга не совсем понимала, почему Торсон так осторожен, почему прорыв проходит так медленно. Поверхность планеты, поглотившей экспедицию Ротанова, оставалась для нее столь же недоступной, как и там, на Земле. С каждым днем, с каждым часом она теряла веру в успех экспедиции, в то, что когда-нибудь еще раз, хоть на секунду, увидит лицо человека, память о котором позвала ее в эту дальнюю и нелегкую дорогу.

Знакомые до последней мелочи стены ее маленькой каюты окружали Ольгу, знакомые вещи, знакомые кристаллы видеокниг. Ее рабочее кресло у письменного стола. Она не чувствовала больше желанья сесть в него. Даже работа, всегда дарившая ей забвение и утешение, теперь казалась бессмысленной. Расслабившись, Ольга лежала на узкой корабельной койке и старалась заснуть. Не помогли с детства заученные правила аутогенной тренировки. Оставалось последнее средство. Она потянулась к коробочке с красной полосой, лежавшей на столике у изголовья. И вдруг отшвырнула ее. Прямо перед нею в только что пустовавшем кресле теперь сидел человек.

Она совершенно точно знала, что не спала. И никто не открывал дверь. И не было сигнала входного инфора. И все же в кресле сидел незнакомый ей мужчина в планетарном скафандре высшей защиты... Черт возьми, не хватало только галлюцинаций! Кажется, она довела себя до самой последней точки и пора обратиться к психологу. Она снова потянулась к коробочке с лекарством, краем глаз наблюдая за посетившим ее призраком. Он сидел в кресле, вытянувшись, опустив плечи, и казался усталым. Лица за непрозрачным светофильтром шлема не было видно, а сквозь лежащие на подлокотниках руки едва заметно просвечивали стены каюты. Больше она не сомневалась, что перед ней самая обычная галлюцинация.

— Ольга, нам надо поговорить, — сказал призрак и совершенно домашним жестом попробовал растереть себе шею.

— Убирайтесь! Не хватало только разговаривающих призраков.

— Я не призрак.

— Кто же вы?

— Один из звездолетчиков, раньше вас посетивших эту планету. У меня нет времени объяснять вам все. Важно, что я ваш друг. А еще важнее то, что я должен вам сообщить. Поэтому постарайтесь не перебивать меня и выслушать внимательно. И не просто выслушать. Вы должны поверить, что все, что я говорю, — истина.

— Почему я должна вам поверить?

— Потому что от этого зависит слишком многое.

Она быстро овладела собой и сидела теперь на своей койке, выпрямившись.

— Ровно через сорок две минуты с флагманского корабля поступит приказ выслать ваш резервный катер с ремонтным оборудованием. Запомните: катер номер пять, он находится в пятом

шлюзе. Вы знаете расположение нижних помещений на корабле?

— Я знаю расположение помещений, продолжайте.

— Так вот, этот катер не долетит до флагманского корабля. Он провалится в один из пространственно-временных разломов. В этом разломе время особенно искажено, и катер опустится на Энну в ее далеком прошлом. В момент, когда туда только что прибыла экспедиция рэнитов. Они найдут этот катер, а в нем — ребенка... Маленькую девочку. Они воспитают ее, примут в свою семью, сделают рэниткой... Этой девочке суждено будет сыграть важную роль в развитии целой цивилизации. Она станет хранительницей Хронара, не позволит совершить предательство и чудовищную ошибку. Потом она будет жрицей богини Юстары в диком племени бореев, потом встретится с человеком, которого полюбит, станет его женой, поможет ему победить зло на этой планете. Удивительная и прекрасная жизнь будет у этой женщины... Но ничто не дается даром. За это ей придется расплатиться памятью о прошлом, своей прежней жизнью... Правда, не навсегда. Возможно, придет час, когда скрученное, изуродованное пространство выпрямится, и тогда она, может быть, вспомнит, кем была на далекой планете Земля. Это будет зависеть от нее самой и от того человека, которого она встретит и полюбит на Энне... Этого человека она знала и раньше...

— Кто он? — дрогнувшим от волнения голосом спросила Ольга.

— Игорь Ротанов.

Она помолчала.

— А что будет, если в катере никого не найдут?

— Судьбы целой цивилизации в этой части космоса изменятся, изменится сама реальность. Бывают узловые моменты, поворотные пункты, которые определяют всю дальнейшую историю, весь ход становления реальности... Если девочку не найдут, хранителем Хронара впервые в истории рэнитской цивилизации будет избран мужчина. В самый ответственный момент он примет неверное решение, и эта планета будет уничтожена, а в вашей вселенной образуется брешь, которую уже невозможно будет заделать. Все силы вашей цивилизации уйдут на бесконечную бессмысленную войну. Ни конца, ни победы в ней не будет... Ну а для тебя лично — разрыв, внутрь которого попала судьба дорогого тебе человека, никогда не затянется. Чужие лица и чужие судьбы навсегда разлучат вас, ты на всю жизнь останешься для него девушкой, с которой он случайно посидел у костра в синем лесу...

— Откуда вы это знаете?

— Я знаю теперь все. Прошлое и будущее едины и открыты в том мире, где я нахожусь. Я сделал все, что мог. Теперь ты знаешь будущее. Судьбы вашего мира и твоя собственная судьба в течение оставшихся тридцати минут будут зависеть только от твоего решения. Прощай.

Никого не было в кресле. Человек исчез сразу. Какую-то долю мгновения она еще видела его неясные, туманные контуры, обрисовавшие фигуру в скафандре, — и вот нет уже ничего...

Чтобы добраться до катера, ей нужно минут пятнадцать. Значит, еще есть время, чтобы одуматься, стряхнуть наваждение. Что это было? Кто?! Существо иного мира, могущественный

враг? Откуда он узнал о синем лесе?.. Ну а если все так и есть, как он сказал, что тогда?.. И по тому, как оборвалось сердце, она уже знала, что поверила ему и не станет больше мучить себя. Такие решения надо принимать сразу, без жалости к себе.

И вдруг иная страшная мысль схватила ее: потеря памяти — это же фактически смерть... Смерть ее личности, всего, что ей сегодня принадлежит; все, что ей дорого, будет уничтожено забвеннем, даже ее любовь...

А время шло. Осталось всего тринадцать минут, ей уже не добежать до катера, не надо себя обманывать, все это бред! Образы больного, измученного воображения! Через тринадцать минут последний раз мелькнут цифры — все будет кончено. Раздастся стартовая команда, корабельные переборки отзовутся на легкий толчок уходящего, пустого катера. А она навсегда останется здесь, в этой железной коробке корабля. Наедине со своим знанием и со своей совестью...

По коридору она бежала так, как когда-то бегала на соревнованиях, вкладывая всю себя без остатка, словно гналась за собственной тенью... Поворот, еще поворот. Лифт наверху! Не ждать! Во втором ярусе есть еще один! Вниз по лестнице. Кто-то стоит на пути. Энергетик Семин. Не останавливаться, не задерживаться. Он что-то крикнул ей вслед — неважно! Все теперь неважно! Вот еще поворот — и кабина лифта. Бешено у самого горла колотилось сердце...

Упругий толчок. Двери распахнулись, и она очутилась в грузовом отсеке. На аппаратах лежали длинные сигарообразные тела грузовых ракет, наполовину утопленные в герметических стартовых шлюзах. Первая, вторая, четвертая, следующая должна быть пятой... Завыли сирены, замигала красная лампочка. Как она могла забыть! Две минуты предстартовой подготовки. Сейчас будут заблокированы все выходы, все люки ракет! Она опоздала! И уже по инерции, не снижая скорости, ткнулась в корпус с огромной белой цифрой «пять». Рванула на себя и повернула по часовой стрелке ручку люка.

К ее удивлению, крышка подалась. Уже внутри, завинтив за собой люк, она поняла, в чем дело, — пока в ангаре находился человек, автоматы блокировки не могли включиться. Зато теперь сирена с новой силой взвыла в последний раз и умолкла. В полутьме она с трудом нащупала кресло пилота, застегнула ремни. Вообще-то эти ракеты не были предназначены для людей и только в случае аварии могли быть использованы как спасательные шлюпки, потому тут и стоит это кресло.

Кровь бешено стучала в висках, а мысли текли неторопливо и холодно, почти отрешенно, словно все происходящее уже не касалось ее.

Ровно через четыре минуты стартовавшая к флагману грузовая шлюпка под номером «пять» исчезла сразу со всех экранов.

Эсхин сдержал слово: другой летающий монстр, другой и видом своим, и размерами, доставил Элну в ущелье, где было ее тайное от бореев жилище. Пещера показалась ей холодной и чужой. До последней мелочи знакомые вещи вызывали раздражение. Странная пустота и безразличие овладели ею. «Все сде-

лапо правильно, — успокаивала она себя. — Ты поступила правильно. Как и должна была поступить хранительница времени, законы звездонавтов не отменяются никогда... Ты выполнила желание своего командира, приказ, если угодно. Ты выполнила приказ...»

Бедой была в том, что Эсхин перестал быть ее командиром с тех пор, как захватил власть на планете, нарушил устав и закон своей родины. «Ну, что же, — жестко сказала она себе. — В таком случае ты можешь считать, что выполнила просьбу Эсхина, пусть теперь не командира...»

Жестокая правда, холодная и безжалостная, вдруг встала пе-

ред ней без единого покрова. Она еще пыталась оправдаться, у нее еще были в запасе серьезные доводы. В конце концов она не виновата, что желания разных людей совпали. Один из них хотел разгадать тайну планеты и для этого должен был попасть на остров Рин. Второй просил ее доставить на остров руководителя земной экспедиции. Каждый из них получил то, что хотел. Но... землянин был так наивен и доверчив. И у него такие добрые руки...

Вдруг что-то на нее навалилось, боль какая-то неизведанная, сладкая и горькая одновременно... Она согнулась от этой боли,

ощупью нашла скамейку и опустилась на нее. И сидела неподвижно и тихо. Очень долго сидела, и по лицу одна за другой катились крупные слезы.

Она вдруг поняла, что человек этот был ей вовсе не безразличен. И чтобы привести себя в чувство, чтобы как-то умерить, унять эту боль, стала говорить себе, что их соединили по законам племени, чуждого обоим, что был лишь спектакль, условный обряд... Но боль не отпускала, и она все чаще возвращалась к мысли, что совершила предательство. Если не по отношению к землянину, то по отношению к себе самой.

И тогда она сказала вслух, облекая в безжалостные и точные слова самую суть своего поступка:

— Ты ведь знала, что его ждет. Ты догадывалась: не заложник нужен Эсхину. Дорога к озеру Забвения — вот что ему предстоит!.. Эсхин не посмеет. Землянин — не первобытный дикарь, его мозг способен сопротивляться постороннему воздействию, и Эсхин побоялся рисковать, с озером шутки плохи...

Элна металась по пещере, не находя места. И воспоминания, яркие, как видения, подстерегали ее в каждом углу... Вот опустились вниз деревянные руки богини, открывая священный плод, и он предоставил ей право решения. Вот отшвырнул ее прочь от пастн чудовища и загородил своим телом. Вот он борется с волнами, ни на секунду не выпуская ее обессиленного тела, не давая себе передышки... А потом там, на острове Рин, когда Эсхин так легко согласился освободить ее и она промолчала, принимая это условие, он не сказал ни слова, лишь посмотрел на нее. Теперь она будет помнить этот взгляд всю оставшуюся жизнь...

Уже не сопротивляясь, она, не зажигая света, нашарила на столе граненый стеклянный шар, так удививший Ротанова, когда он впервые пришел к ней сюда. Стеклянный шар осветился, наполнился клубами тумана. Туман сгустился плотным светящимся облаком, приобрел форму, и вот уже знакомая хищная усмешка скривила губы человека, которого она так ненавидела, ненавидела и боялась...

— Ну, что тебе?

— Мне нужен землянин, Эсхин. Я передумала. Верни мне его.

— А больше тебе ничего не нужно? — Эсхин пожевал губами, и на его костлявом лице проступила издевательская усмешка. — Увы, девочка. Землянин нужен мне самому.

— Верни мне его.

Она сама почувствовала, как жалко, неубедительно звучит ее голос, как откровенно слышны в нем растерянность и мольба. На этот раз он даже не усмехнулся.

— Я сам решу, как поступить с землянином.

Внезапно она почувствовала гнев. Все ее существо охватила неведомая раньше ярость, а в голосе зазвучал металл, несвойственный и незнакомый ей.

— Послушай, Эсхин. Если ты не вернешь землянина, ты пожалеешь об этом, я тебе обещаю.

Несколько секунд он молча разглядывал ее.

— Видимо, я поспешил отпустить тебя с Рина. Но это еще можно исправить.

Он сразу же отключился, и волна холодной ярости помогла

ей справиться с извечным страхом перед этим человеком. Теперь, по крайней мере, она знала, что надо делать дальше.

В глубинах ее памяти много лет хранились бесполезные знания, знания бывшей звездолетчицы, хранительницы Хронара. Знания жрицы, богини Юстары, которыми наделили ее те, кто воспитал и сделал взрослой. Среди них было немало такого, чего до сих пор не знал даже Эсхин. Ей были известны тайные пути, ведущие на остров и к его сердцу — Хронару, пути, о которых, кроме нее, не знал ни один человек.

Значит, она снова увидит землянина...

И сразу же перед ней со всей очевидностью встал вопрос: «Что она ему скажет, что сделает?»

Был один-единственный путь победить Эсхина и освободить землянина. Один-единственный, сомнительный и рискованный. Она знала, зачем Ротанову понадобился остров Ринн. Он хотел остановить, а затем и совсем уничтожить механизм, управляющий временем, охранять который ей было поручено много лет назад. Старые законы и правила прочно сидели в ее голове, вбитые вместе с первыми шагами, с первыми словами родного языка...

Впрочем, родного ли? Ведь она так и не смогла узнать, кто были ее родители. Почему от нее скрыли тайну рождения?.. Разве это важно сейчас? Не для того ли, чтобы оправдаться в собственных глазах, вспоминала она мелкие обиды, все, что могло пошатнуть ее привязанность к родному племени? «Чужеземец не имеет права видеть Хронар, не имеет права знать о нем. В интересах других народов это устройство не может быть использовано никогда» — так гласили правила. Часть из них она уже нарушила, а оставшиеся... Впрочем, никто не смог бы теперь предсказать, к чему приведет остановка Хронара после того, как на планете появилось озеро Забвения...

Основательно запутавшись, стараясь ни о чем больше не думать, пока решимость окончательно не покинула ее, она постаралась уйти от решения этой самой важной проблемы, загнала ее в дальние уголки сознания, отложила решение на более поздний срок, как будто это что-то меняло... Так, значит, все-таки она увидит его снова — и эта простая мысль заслонила все остальное, оказалась важнее всех ее рассуждений, высоких обязанностей, долга...

Она не знала, сколько времени будет продолжаться это навязчивое, не желала ничего рассчитывать, предугадывать. Она знала, что полетит к нему, полетит сейчас же. Не одному Эсхину подвластны летающие существа. У нее есть своя птица, о которой не знает никто. Она берегла ее на самый крайний случай, кажется, теперь он настал. И, отложив на будущее решение всех серьезных проблем, она стала думать о том, в каком виде покажется ему... До сих пор он видел ее только в одеждах чужого ей народа, а ей хотелось выглядеть так, как выглядят женщины его страны, но, к сожалению, она не знала о них ничего. В конце концов решила одеться как можно проще и распустила волосы широкой светлой волной. Мудрый глубокий инстинкт руководил каждым ее поступком, словно стоял у нее перед глазами некий неведомый образ женщины. Не зная ничего об Ольге, она неосознанно подражала ей. И, уже не скрывая от

себя обжигающей радости, помчалась навстречу человеку, которого знала совсем недолго, но которого любила так, словно с ним одной крови, одного племени...

И как только искусственная птица взмыла в воздух, Элна вдруг словно бы увидела перед собой странную картину — открытый грузовой люк, из которого гидравлический поршень выталкивает в пространство небольшую ракету. А в ракете, сжавшись от страха, сидит женщина...

Соединилось кольцо разорванного времени. Ракета напомнила ей искусственную птицу, несущуюся по серому небу... Странные картины, рожденные пробуждающейся памятью, пронеслись в голове той, что летела сейчас к человеку, которого ждала так долго...

Сложив крылья, птица ринулась вниз с огромной высоты. У Элны заложило уши. Плотный поток воздуха рвал волосы, забивался в легкие, мешал дышать. Она ту же затянула ременные тяжи, державшие ее в седле. Внизу под ней вращался остров Рин — крохотное кольцо гор среди безбрежного океана. Наблюдатели сразу же заметили птицу, и защитные батареи открыли огонь. Элна знала, что батареи не рассчитаны на атаку сверху, надежно защищая остров лишь с моря. Племена, живущие на этой планете, не имели летательных аппаратов, и Эсхин не опасался вторжения извне, сквозь купол свернутого пространства. Все это она знала, и все же сердце замирало от страха, когда мимо пронеслись ослепительные голубые полотнища разрядов.

Странная пьянящая радость охватила ее, словно залпы электрических батарей были всего лишь фейерверком, словно она мчалась на праздник...

Вот рядом, на расстоянии каких-то ста метров, мелькнули вершины скал, в последний раз сердитым грохотом разразились хлопушки теперь уже безопасных электрических пушек, еще раз над нею празднично сверкнуло небо. Птица распластала крылья, тормозя падение. Она была внутри кратера...

(Окончание в следующем выпуске)

• Евгений Туляковский

Фантастическая повесть

Глава 12. НЕУДАЧА

Наверно, нет ничего тоскливей штормового пустынного моря без паруса, без клочка суши на горизонте. Лишь свинцовая, испещренная рябью поверхность воды раскинулась во все стороны, постепенно растворяясь во мраке. Даже горизонта здесь не было видно.

Ротанов стоял на верхней галерее один. Давно заброшенные помещения верхнего яруса не нуждались даже в охране.

Он услышал шаги, но не изменил позы. Кто-то осторожно, крадучись, подходил к нему сзади. Это не были шаги робота. Может быть, Эсхин?..

Ротанов резко обернулся. Перед ним стояла Элна. Широкий светлый плащ, волнами окутывающий фигуру, незнакомая прическа.

— Ты? Откуда? Как ты здесь очутилась?

Она прижала палец к губам и ответила полупшепотом, не отрывая глаз от его лица, словно видела впервые:

— Когда-то я была хозяйкой этого острова, и мне известны тайны, о которых не знает даже Эсхин... Но ты, кажется, не рад мне?

— Не знаю, — честно признался он. — Слишком это неожиданно.

Никогда его не подводила память, а вот сейчас он не мог сказать, почему таким знакомым и одновременно чужим показалось ее лицо. Словно это была другая женщина...

Окончание. Начало в предыдущем выпуске.

Она без улыбки, серьезно и испытующе смотрела ему прямо в глаза.

— Ты знаешь, почему я здесь?

— Ты отрицательно качнул головой.

— Со мной произошло что-то странное. Когда Эхин отпустил меня, мне казалось, что все правильно. Ты попал туда, куда стремился, я выполнила свои обязательства. Одним словом, оставалось улететь со спокойной совестью.

— Не получилось?

— Не получилось. Наверное, есть какая-то другая правда, хотя я до сих пор не понимаю ее. Не должна я была возвращаться, не должна говорить тебе то, что собираюсь сказать.

Она замолчала, и он не произнес ни слова, чувствуя, что в эту минуту ничем не может помочь ей. Только она сама имеет право решать, что делать дальше.

— Некогда нам раздумывать. Эхин уже знает, что я здесь. Слышишь свистки охраны? Через минуту они будут здесь. Пойдем.

— Но куда? Отсюда один выход — в галерею, а там роботы.

— Пойдем. Я покажу тебе Хронар. Самое большое достижение нашей цивилизации и самую большую ее тайну.

— Разве ты имеешь право это делать?

Не отвечая, она достала откуда-то из складок своего плаща небольшой предмет, похожий на карманный пылесос, и нажала кнопку. Ничего особенного не случилось, лишь прибор протяжно взвыл и тут же смолк. Она схватила его за руку и толкнула к стене. Все еще не понимая, чего она хочет, инстинктивно он оперся о стену и почувствовал, что рука свободно входит в вязкую массу камня. Она опять подтолкнула его. И тогда он шагнул прямо в стену. Стена раздалась, пропустила его и сразу же сомкнулась вновь. Элна была уже рядом, оба они стояли в соседнем помещении. Очевидно, это была комната для наблюдений и подслушиваний. Странные механические уши уродливо присосались к стенам. Сейчас здесь никого не было, очевидно, поднятая по тревоге охрана вся была в коридоре.

Элна вновь подняла свой «пылесос».

— Это молекулярный дезинтегратор. Он ослабляет связи между молекулами любого вещества, правда ненадолго. Ты не мешкай при переходе, а то можешь оказаться замурованным в стене.

Вновь она нажала кнопку, снова взвыл прибор, и вот они, как во сне, проходят сквозь стены из комнаты в комнату. Мелькала длинная анфилада залов, коридоров, подсобных помещений, складов. В одной из комнат они увидели охранников. Но те не успели ничего понять, как Элна и Ротанов уже исчезли в противоположной стене. Коридор, еще коридор. Очень толстая стена в конце. Показалось, что не хватит энергии прорваться. Стена уступила, и оба они оказались в огромном зале... Зал был почти пуст, лишь в центре, на небольшом каменном постаменте, покоился огромный куб из серого металла. Десятки наклонных колонн шли к нему с разных сторон. По их вибрации, по смрадному жару, пахнувшему в лицо, по отвалившейся кое-где термочаюляции он понял, что эти колонны — энерговоды. Каждую секунду поставлявшие в холодное металлическое тело этого куба целые реки энергии. Они подошли ближе, и лишь те-

перь Ротанов оценил размеры всего сооружения. Куб был высотой с двухэтажный дом. Ни трещины, ни единой ссадины не оставило время на его матовых, тускло блестевших боках.

— Хронар?

Элна молча кивнула.

— Как же вы втиснули в корабль такую махину?

Она пожала плечами.

— Это был очень мощный корабль, один из последних...

Элна отвернулась. Он хотел было обойти куб, но она рывком остановила его.

— Не спеши. Часть защиты я отключила, но тут могут быть блоки, неизвестные даже мне. Посторонним не полагается разгуливать по этому залу. Не отходи от меня. В моем присутствии защита не сможет сработать.

— Покажи мне пульт управления.

Она усмехнулась.

— Наши инженеры в отличие от ваших не любили сложных устройств. Вот он перед тобой.

Она нажала маленькую, почти незаметную кнопку, и в стене куба открылась узкая ниша. Там были всего две кнопки, красная и голубая, две рукоятки с непонятными шкалами, да еще посередине узкое граненое отверстие. Именно это отверстие и ожидал увидеть Ротанов. Сейчас он мысленно сравнил его с рубиновым камнем. Совпадали и размер и форма.

Ротанов расстегнул воротник, достал камень и осторожно разогнул оправу кулона. Камень лежал у него на ладони холодный и совершенно бесцветный, словно никогда раньше не прятал в своей глубине игру таинственных огней. Он подбросил камень на ладони, словно прощаясь, с ним, и протянул его Эльне.

— Зачем он мне?

— Не любоваться же этим кубом мы сюда пришли. Попробуй, кто знает, может быть, ключ все-таки сработает. Возможно, запись биотоков не изменилась за это время.

— Пока цела кристаллическая решетка камня, будет цела и запись. Но... если он остановится... Ты представляешь, что произойдет?

— Я думаю, энергия, необходимая для того, чтобы удержать звезду в полукollapsed состоянии, на несколько порядков превосходит все, что может дать это устройство.

— Равновесие бывает неустойчивым, и тогда легкий толчок, незначительное изменение одного из факторов приведут к катастрофе.

— Скажи, это правда, что ваши ученые могли предвидеть будущее?

— Не совсем так. Среди нашего народа иногда рождались люди, наделенные особым даром проникать в информативное поле будущего. Это редкий природный дар. Наука здесь ни при чем.

— Мне кажется, я знал одного такого человека. Женщину, оставившую для меня этот ключ.

— Ты хочешь сказать: она могла предвидеть и хотела именно этого... чтобы мы?..

— Мы должны попробовать, Элна. Мы должны попробовать остановить Хронар. Работа Хронара, нарушая естественное те-

чение времени, противоречит каким-то неизвестным нам глубинным законам природы... Мы обязаны восстановить равновесие, хотя бы попытаемся это сделать. Рано или поздно приходится исправлять ошибки...

С минуту она молча смотрела на него, и он понимал, что творилось у нее в душе. Гнев и горечь от того, что он, чужеземец, пытается несколькими словами перечеркнуть высшее достижение ее народа.

— Рано или поздно вы, люди, столкнетесь с теми же проблемами, вам самим придется решать их и тогда...

— Возможно, ты и права. Но я уверен: нельзя грубо вмешиваться в сложнейшие закономерности природы, не взвесив до конца все последствия... И потом, почему ты говоришь со мной так, словно сама все еще принадлежишь к цивилизации рэнитов? Тысячелетия пронеслись над вашей планетой, я был там после того, как последний рэнит ушел с нее навсегда. О каком народе речь? Разве ты сама не принадлежишь уже к другому племени?

— О чем ты говоришь?! — Она почти кричала.

— Ты, человек Элна, и ты моя жена...

Он попытался найти ее руку, но она отстранилась.

— Это была лишь игра. Обряд чужого для нас обоих народа...

— Обряды имеют лишь тот смысл, какой вкладывают в него люди... Решайся, Элна. Я не знаю, сколько минут отпущено нам на раздумье. Вот тебе камень. Только ты одна можешь вложить его в Хронар. Только твою руку знают его защитные и исполнительные механизмы. Попробуй. Риск есть, конечно, но он не больше, чем был в тот момент, когда ты впервые включила здесь эту машину... Скорей всего искаженное, разорванное время вернется в свое нормальное русло. В природе много здоровых сил, и она умеет залечивать раны.

Почти насильно он вложил в ее горячую сжатую ладонь ключ от Хронара и отвернулся, чтобы не мешать ей. И только когда скрипнули механизмы на пульте, он повернулся вновь. Обе ручки стояли теперь на нулях в крайнем нижнем положении.

— Ты знаешь, что случится с нами, если время вернется в исходную точку, в момент, когда впервые был включен Хронар? Ты окажешься на своей планете, дома, и никогда уже не вспомнишь обо мне. Да и некого будет вспоминать. Собственно, вся моя жизнь только следствие больного, искаженного времени...

И, не дав ему ответить, лишь посмотрев прямо в его глаза, словно молча попрощавшись с ним, Элна разжала пальцы и опустила камень в отверстие.

Послышался глухой протяжный звук, похожий на стон. Звук нарастал, поднимался все выше, разрывая барабанные перепонки. Волна вибраций прошла по самому кубу, потом странная живая дрожь передалась полу и стенам. Казалось, некий вихрь пронесся по залу, сделав неустойчивыми, эфемерными каменные стены, весь окружающий мир. Но уже через минуту звук стал слабеть, переходить на нижние октавы и где-то там, в низком реве, затерялся, исчез совсем.

Элна стояла у пульта совершенно оглушенная, сжав виски руками. Что-то неуловимо менялось в ее лице, разгладились горькие складки у губ, у подбородка. Исчезли морщинки в уголках глаз, чуть посветлели волосы, чуть прозрачнее стали глаза,

и вдруг до боли знакомым, родным стало для него это лицо. Странные картины прошлого заслонили от него этот зал. Он увидел девушку, одиноко сидящую у костра в синем лесу. Вот он несет ее на руках через лес, а губы шепчут давно забытое имя — Ольга...

На шершавой каменной стене высветился вдруг голубой овал, и хищное, остроносое лицо Эскина появилось в его глубине.

— Это был опасный эксперимент, а, девочка? Но ты справишься блестяще. Сорок тысяч гигаватт ежедневно. Неплохой подарок! Я направляю их на дезинтеграторы, на корабельную защиту. Ни один чужой корабль не сможет отныне появиться в небе. Только ты могла это сделать, только он мог заставить тебя это сделать! Вы оба прекрасно справились с отведенными вам ролями.

— Как только ослабеет гравитация, как только распрямится купол сжатого пространства, ничто уже не остановит наш флот, — угрожающе произнес Ротанов, невольно подавшись к этому светящемуся овалу.

— Гравитация не ослабеет. Пространство не раскроется, потому что время изменяется мгновенно или не изменяется никогда! Вы остановили Хронар, но планета осталась в той же самой точке пространства-времени. — Эскин почти кричал, злобная радость была в его голосе. Погас свет, и они остались одни.

— Может быть, остановка Хронара скажется не сразу? Может быть, Эскин попросту солгал?

Элна отрицательно покачала головой.

— Эскин сказал правду. Время изменяется сразу или не изменяется совсем. Видишь слой пыли на этих стенах? Если бы время вернулось в первоначальную точку, в тот момент, когда был включен Хронар, этот зал выглядел бы иначе. Но все осталось по-прежнему... Это странно... С того самого мгновения, когда здесь был включен Хронар, чья-то чужая воля все время вмешивается в наши действия. Не грубо, иногда почти незаметно. Но силы, которыми управляет этот неведомый нам разум, настолько могущественны, что мы не можем даже представить масштаб их воздействия на окружающий мир.

— Мне тоже все время казалось, что на этой планете действуют не стихийные силы природы, а чья-то враждебная воля. И все время я искал ее источник — у бореев, у Эскина. Может быть, озеро Забвения имеет к этому отношение?

— Озеро скорей всего только часть того, что проникло к нам из другой вселенной. Кстати, этот разум необязательно враждебен. Просто он чужд нам и потому непонятен.

— Неплохо бы с ним познакомиться.

— Мы для них муравьи, быть может... Впрочем, попытки были. Один из наших пытался. Его звали Лонгом. Он пошел к озеру Забвения и не вернулся. Никто оттуда не возвращается. Но с Лонгом произошло что-то странное. Уже после того, как он исчез, его видели несколько раз. Не саму фигуру, но голос, какой-то светящийся силуэт... Заметив, что люди пугаются его, он стал появляться в скафандре с закрытым шлемом. Не часто, лишь в те моменты, когда назревали события, способные изменить весь ход времени. Говорили, что он может предсказывать будущее... Не знаю, возможно, это только красивая легенда, но,

мне кажется, и я говорила с ним уже после того, как он ушел к озеру.

— Возможно, разгадка лежит где-то там. Может быть, в самом озере.

— Теперь у Эскина развязаны руки. Мы не нужны ему больше, мы сделали все, чего он от нас ждал, — Хронар остановлен... Правда, пока я нахожусь в этом зале, он ничего не сможет сделать. Охранные механизмы настроены только на меня, и всякий, кто попытается...

Он ее не дослушал, не принял ее неловкой попытки увести разговор в сторону.

— Послушай, Ольга...

— Как ты меня назвал?

— Извини, я оговорился.

— Но мне кажется, это имя... Мне кажется, так меня когда-то уже звали, очень давно, в каком-то ином времени. Как странно все это...

Он не слушал ее, поглощенный своими мыслями.

— Понимаешь, Элна, я должен увидеть это озеро. Мне кажется, времени осталось совсем немного, что-то изменилось после того, как мы отключили Хронар. Я не знаю, что именно, но чувствую — надо спешить.

— Я так и знала, что этим кончится, что ты захочешь пойти туда. Это невозможно, нет, я не пущу тебя!..

— Мне надо, девочка. Ты же понимаешь, не в Эскине здесь дело и даже не в Хронаре. Все гораздо серьезней. Кто-то замахнулся на границы Земной федерации, кто-то бросил нам вызов... Всеу нашему миру и во все его времена, в рэнитском прошлом и в нашем человеческом будущем... Я должен знать, кто это, что ему нужно от нас. Возможно, эксперименты рэнитов со временем открыли кому-то лазейку в наш мир. Может быть, сейчас еще не поздно что-то изменить, что-то исправить...

— Оттуда никто не возвращался, никто!..

— Я вернусь, обещаю. Дай-ка мне свой интегратор. Сколько там осталось энергии? Немного? На двоих не хватит? Тогда не выходи из этого зала. Жди меня здесь.

Глава 13. КОНЕЦ ЭСКИНА

Человек в космическом скафандре высшей защиты сидел напротив Эскина. Поза его казалась напряженной и неестественной. Лица за серебряным светофильтром шлема не было видно, и с трудом воспринималась мысль о том, что за пластиком шлема нет ничего. Пустота, вакуум, в самом полном физическом смысле этого слова. Впрочем, если там и был вакуум, то вакуум не нашего мира. Физическая сущность его собеседника всегда оставалась для Эскина слишком загадочной, и, пожалуй, он не стремился к разгадке. Его вполне устраивало то, что визиты этого странного гостя до сих пор были не слишком часты, а также и то, что им почти всегда удавалось прийти к соглашению. В конце концов для упрощения ситуации Эскин вообразил себе, что перед ним лишь посредник, кукла, выполняющая роль передатчика чужой воли. И хотя он знал, что это не так, вну-

шая себе эту злорадную мысль, он в какой-то мере уравнивал с собой своего недосягаемого собеседника.

— Как ты думаешь, что произойдет, если землянин найдет дорогу к озеру?

— Ты спрашиваешь об этом меня? Тебе же открыто будущее, а не мне. Я всего лишь простой управляющий этого острова.

— Не паясничай, Эскин. — В голосе слышалась усталость, почти горечь.

— Не всякое будущее можно предвидеть. Когда шансы дальнейшего развития равны, получаются две расходящиеся линии, вилка. И никто не знает, на какую из двух дорог свернет время. Я лишь частица скрытого в озере разума, и мне не подчиняются ни его воля, ни его решения. Но не об этом я пришел говорить с тобой. Мне кажется, ты опять начал недостойную игру и нарушил наш договор. Почему остановился Хронар?

— Откуда мне знаты! Я предлагал избавиться от землян. Их надо было уничтожить сразу.

— Ты плохо их знаешь. Они пришли бы сюда снова. И не они виноваты в том, что ты никогда не слушал моих предостережений. Разве я не говорил тебе, что Хронар рано или поздно остановится, если ты не прекратишь своих безумных экспериментов? Разве я не говорил тебе, что чужая боль, чужая беда рано или поздно обернется собственной?

— Не я остановил Хронар! Какое отношение имеет все это ко мне? Почему ты задаешь эти вопросы?

— Вот видишь, ты даже не слышишь меня, не пытаешься понять... А Хронар уже остановлен. И в обоих руках будущего этого острова попросту нет. Тебя тоже там нет. Что скажешь?

— Какое мне дело до твоего будущего? Оно не наступит. Завтра вообще не сможет наступить до тех пор, пока не кончился сегодняшний день. А я знаю, что нужно делать для того, чтобы день длился бесконечно. Хронар остановлен — да, это так, но вместе с ним замедлилось и время. Разве ты сам не говорил этого? Не предостерегал меня в том, что с остановкой Хронара время замедлится? Разве это не так? Я перехитрил вас всех.

— Безумец! Что может быть страшней никогда не проходящего дня? Но не это грозит тебе. Слышишь шаги? Это твоя судьба.

— Это меняют караул охранные роботы. — Эскин встал, тяжело подошел к стоявшему посреди зала тренажеру со стеклянным шаром и нажал кнопку у его основания. Шар осветился и растаял, оставив вместо себя изображение пустого коридора.

— Твоей охраны больше нет и не будет. Скажи, ты разве не жалеешь, что так нелепо прошла жизнь? Дал ли тебе счастье странный дар, который ты предпочел?

— Меня обманули! Этот несчастный остров, свихнувшиеся роботы! Разве такой власти я просил?

— Власть — всегда власть. В большом или в малом — какая разница! Ты познал ощущения, о которых мечтал, ты повелевал и управлял, решал судьбы людей. Ты получил сполна все, о чем просил.

— Обман! Один обман! На этом жалком острове я не знал

ни минуты покоя! Мне все время казалось, что эти каменные стены рухнут, что роботы рано или поздно предадут меня, а те, кого я превратил в роботов, потребуют возмездия!

— Такова цена. Ее платили все тираны.

* * *

Кабины остановились, и толпа биороботов хлынула в наружную галерею. Павел отстал, никто не обращал на него внимания, никто не отдавал никаких приказов или команд, каждый действовал согласно полученной ранее программе.

Внешняя галерея представляла собой невысокий каменный козырек, опоясывавший, очевидно, весь остров. За козырьком расположился карниз, на котором через равные промежутки стояли установки энергетических разрядников. То там, то тут из их длинных спаренных антенн, вытянутых вперед и вниз, срывались ослепительные синие сполохи разрядов и грохот сотрясал скалы.

Каждый из вновь прибывших роботов занял свое место у орудий, и Павел понял, что теперь все резервные, бездействовавшие ранее установки открыли огонь. Сполохи электрических стрел вспарывали внизу пустую воду. Огненное кольцо опоясало остров, и вода внизу, казалось, кипела. Цели все еще не было. Однако Павел понимал, что тревога объявлена не зря, что цель должна появиться, и тогда работа каждой из этих фигурок приобретет непосредственный грозный смысл.

Безжалостная жара насытила атмосферу влагой. В белесом розовом тумане скрылся и тот жалкий огрызок светила, который в это время дня обычно висел над горизонтом. Десятки согнутых фигур, казалось, не ощущали жары, не видели окружающего мира. Их лица были неподвижны и серые.

Вдалеке, у самого поворота, маячила неподвижная фигура охранника. Возможно, с такого расстояния он принимал Павла за такого же, как он, охранного робота. Что делать? Захватить орудие, развернуть его вдоль галереи, открыть огонь по охране? Допустим, он ее уничтожит, но ведь вся остальная прислуга по-прежнему будет заниматься своим делом! У них же программа, введенная в мозг, в его исполнительные центры, и любые внешние воздействия не смогут туда пробиться! Скорей всего они получат новую команду и бросятся на него.

И в эту минуту, когда он был близок к отчаянию, высоко над пустым белесым горизонтом появилась блестящая точка, быстро увеличивающаяся в размерах. По хвосту раскаленных газов, по тому, как она превращалась в светящуюся чечевицу, Павел понял, что это шлюпка. Значит, оставшиеся там, у бореев, товарищи по экспедиции решили лететь сюда на последних резервах энергии. Потому что не могли больше ждать, потому что точно так же поступил бы и он сам на их месте...

Шлюпку ждали. Жала орудий дрогнули и приподнялись. Казалось, они надрываются от злобы, выбрасывая бесчисленную череду огненных стрел.

Шлюпка заложила крутой вираж над островом, и Павел понял, что защитное поле выключено. Если бы у них была энер-

гия, Фролов не стал бы маневрировать. Одного попадания этих рожачущих огненных стрел будет достаточно, одного-единственного.

И тогда Павел шагнул к орудию. Отодвинул плечом заряжающего, встал в общий строй. Сделав это, он вдруг почувствовал, что под серым пеплом внешнего безразличия, в груди этих кукол бьются живые сердца. Тогда усилием воли он постарался передать им свою боль, свое отчаяние. И сразу же ощутил ответный импульс понимания... Кто-то встал рядом с ним, взял на себя часть тяжести. И словно живые нити потянулись к нему со всех сторон. Одновременно с этим слабели, отклонялись в сторону несущие смерть огненные стрелы, летевшие навстречу его друзьям. Завеса уже не была сплошной. И шлюпка сейчас же воспользовалась этим, ринулась в образовавшийся разрыв, в считанные секунды проскочила линию огня. Шлюпка пошла на посадку и прилепилась к крохотному ровному пятачку недалеко от Павла.

* * *

— ...Ты помнишь ночь, когда пришло сюда озеро Забвения?

— Я ничего не помню. Ничего! — Эсхин отвернулся, чтобы не видеть блестящей безликой поверхности, заменявшей лицо его собеседнику.

— Ты не выдержал искушения...

— Довольно! Уходи! У меня больше нет сил. Возьми обратно свои дары, оставь мне лишь покой!

— ...Ты злоупотреблял нашими дарами. Пришел час расплаты. Ты слышишь крики в коридоре?

— Там нет никого! Экран пуст!

— Откуда же эти крики? Где твои охранные роботы, Эсхин? Что это за толпа разгневанных людей появилась в конце коридора? Некому преградить им путь. Некому защитить тебя в эту минуту...

В то мгновение, когда под натиском многих тел рухнули двери, никого уже не было в кресле напротив Эсхина.

Глава 14. ИСКУШЕНИЕ

Прежде чем Ольга успела возразить, Ротанов перевел рычаг на максимальную мощность и направил раструб прибора себе под ноги. Пол лопнул, как туго натянутая резиновая мембрана. Еще не исчезло фосфоресцирующее свечение в том месте, где интегратор разорвал молекулярные связи, а Ротанов уже стоял на ногах. Падение с высоты трех метров слегка оглушило его. Зато теперь он находился в нижнем ярусе.

Несколько секунд Ротанов стоял неподвижно, привыкая к тусклому освещению. Он все еще боялся, что Ольга последует за ним, найдет способ догнать его, остановить. Но все было тихо в этом огромном помещении, стены и потолок которого терялись в полумраке. Это был машинный зал, способный когда-то развивать мощности, необходимые для того, чтобы останавливать и изменять само время.

...Это была могучая цивилизация, могучая и гордая раса рэни-тов, не знавшая поражений. И все же она ушла, оставив после себя одни развалины и полуистлевшие памятники былого могущества вроде этой планеты. Почему? Что их погубило? Чрезмерная гордость? Задачи, превысившие их возможности? Или однажды запущенная машина технической цивилизации в конце концов идет вразнос, порождая монстров, рано или поздно уничтожающих самих себя...

В машинном зале, растянувшемся на целые километры, было несколько этажей. Ротанов все время искал путь вниз, понимая, что где-то в глубинах острова было то, что порождало «Черные корабли»...

Он долго бродил меж мертвых механизмов, надеясь найти выход. Звуки его шагов терялись в тишине зала, Ротанов понимал, что долго находиться здесь можно лишь в скафандре высшей защиты, а не в его планетарном костюме, и потому спешил. Радиация была какая-то странная: индикатор отмечал наличие неизвестных частиц. Голову сдавливало, как тисками.

Он пересек этот огромный зал, набитый радиоактивным металлом, наполненный зловонием тяжелых испарений. Вскоре заметил первые симптомы радиоактивного поражения. Симптомы были какими-то необычными, слишком уж быстрыми для простой радиации. Его мучила жажда. Тут и там, словно нарочно, попадались лужи, и он старался не смотреть в их сторону, потому что внешне вода была вполне пригодной для питья, прозрачной и, наверно, холодной. Изменилось даже ощущение времени. Он поминутно вынужден был поглядывать на свои часы, чтобы не потерять чувство реального времени. Часы показывали, что он находится в этом отравленном помещении всего сорок минут, а ему казалось, что он тут уже долгие часы. Может быть, целый день.

И когда совсем исчезло ощущение времени, когда в приглушенном сознании родились странные искаженные картины, он услышал какой-то звук. Огляделся и увидел крошечное существо, похожее на игрушечного механического цыпленка.

Такие игрушки ему покупали в детстве. Треугольное тельце покачивалось на тонких ножках, а огромные глаза-плошки не мигая смотрели на Ротанова.

- Привет, — сказал цыпленок. — Ты почему здесь ходишь?
- Говорящих цыплят не бывает. Убирайся.
- Я не цыпленок. Я робот-информатор.
- Ну и чего тебе от меня надо?
- А меня за тобой послали, чтобы, значит, найти и проинформировать.
- Ну так валяй информируй, только побыстрее, у меня голова раскалывается.
- Здесь плохое место. А информировать я не тебя должен.
- Кого же?
- Их, — неопределенно сказал робот, — тех, которые меня послали.
- Ладно, мне все равно, кого ты там будешь информировать.
- А я не хочу. Мне они не нравятся. — Робот переступил лапками.
- Послушай, а ведь это, однако, неправильно. Если ты робот,

у тебя должна быть программа, которую ты обязан выполнять...

— Верно, неправильно, — радостно согласился робот. — Я вообще неправильный, нестандартный, у нас теперь много таких появилось. Говорят, это из-за нас все пошло прахом.

По тому, что он ничуть не удивился этому крохотному роботу, Ротанов понял: с сознанием у него не все в порядке.

— Покажешь дорогу? — спросил он.

— А куда тебе надо?

— Я ишу озеро Забвення. Знаешь, как пройти к нему?

— Вообще-то это плохое место, но если тебе очень надо...

— Ты кого-нибудь уже провожал туда?

— О да, многих. Иногда тех, кого превратили в роботов, охватывала странная тоска, и они уходили к озеру...

— Зачем?

— Озеро дает энергию. Оно не убивает, вернее, убивает не совсем... Ты не будешь чувствовать голода, жажды, даже боли. Озеро даст тебе покой и оставит сознание.

— Хорошо. Покажи мне его.

Робот прыгнул перед ним маленьким серым мячиком.

Почему-то Ротанов сразу и полностью доверился этому разумному комочку, может быть, потому, что похож он был на игрушку из детства с большими и добрыми, как фонарики, глазами.

Шли они недолго, минут двадцать. Наконец робот остановился перед гранитной стеной. Первой естественной каменной стеной в этом железном лабиринте. Глубоко в нише виднелась крышка круглого люка с мощными стальными запорами, словно здесь был кессон или переходный шлюз корабля.

— Что там снаружи? — хрипло спросил Ротанов.

Робот не ответил. Он подошел к люку, нажал какие-то кнопки. Затворы лягнули, приоткрывая свои пасти, крышка люка медленно подалась назад и в сторону, обнажив метровую толщину брони. Из круглого прохода за люком пахнуло холодом и сыростью. Темнота, густая и плотная, мешала что-либо рассмотреть. Ротанов сделал шаг в эту темноту и остановился. Что-то его удержало. Ему вдруг показалось, что, если сделает сейчас еще один шаг, обратно уже не вернется. Он обернулся. Робота не было. Секунду назад стоял сбоку, у люка, и вот теперь его не было. Проводник сделал свое дело. Значит, дальше все будет зависеть от него самого?

Несколько секунд Ротанов стоял неподвижно, ничего не видя, прижавшись спиной к шершавой и холодной поверхности камня. Постепенно глаза привыкли, и он разглядел, что стоит на узком каменим карнизе. Два шага отделяли его от обрыва, за которым плескалась черная вода... Впрочем, это была не вода. И не пар, не туман. Нечто еще более легкое, более эфемерное.

Постепенно эти отдельные беспорядочные движения внизу стали упорядочиваться, выстраиваться в некий странный хоровод. Темная пустота под световой пленкой стала медленно вращаться, вспучиваясь и поднимаясь в центре. Вдруг от центра этого образования к окружающим скалам метнулись ветвистые лапы электрических разрядов и настоящий гром оглушил Ротанова. Черный столб в центре стал расти, раздуваться, как гигантский

аэростат, втягивая в себя находившуюся под ним поверхность озера. В мелодичных звуках, сопровождавших рождение шара, был какой-то странный музыкальный рисунок, ритм. Поверхность шара, следуя тактам странной музыки, едва заметно вибрировала, и вместе с нею, казалось, вибрировали окружающие скалы.

И тут вдруг Ротанов понял, что происходит. Он присутствовал при рождении очередного «Черного пузыря». Перед ним вращался, пульсировал радужный снаружи гигантский сгусток чужого мира. «Выброс антипространства?» «Черная дыра?» «Гравитационный коллапс?»

Так вот откуда стартуют «Черные корабли»! Теперь он знал хотя бы это.

— Мы заткнем твою жадную глотку, слышишь, ты?! — крикнул Ротанов. Он нагнулся, нашел камень и швырнул его вниз, в озеро. Не было ни всплеска, ни вспышки — камень беззвучно исчез.

У него была еще батарея. Он взглянул на индикатор заряда. Энергии накопилось достаточно для того, что он задумал. Возможно, взрыв будет слишком силен и ему уже не уйти, и все же он знал, что сделает это, не даст родиться еще одному смертоносному шару... Он поставил индикатор на максимум, выдернул предохранитель, разбил крышку, замкнул контакты и... бросил, рассчитывая бросок так, чтобы взрыв произошел на границе двух сред.

Странный это был взрыв. Раскаленная, сверкающая плазма, брызнув во все стороны, вдруг замедлила свой стремительный бег. Ротанов видел, как огненные завихрения, несущиеся к нему, меняют форму, закручиваются протуберанцами, отклоняясь в стороны. словно чья-то огромная невидимая ладонь прикрыла стоявшего на скале человека. Поверхность шара вспыхнула ослепительным радужным сиянием, он замедлил свое вращение, совсем остановился и медленно потянулся к человеку, словно желая рассмотреть его поближе. Но основание шара вдруг сократилось, рвануло его вниз. И почти сразу же шар начал наливать малиновым светом, оседать, уменьшаться в объеме. Все повторялось в обратном порядке: утолщалось основание пузыря, волновалась и тянулась к нему поверхность озера, всасывая в себя недавно извергнутую массу. Наконец пузырь исчез вовсе, сгладился. И тогда озеро начало наступать на берега. Послышался пронзительный свист, словно сверху налетел ветер. Рябь судорогой пробежала по поверхности озера. В глубинах возникли тонкие сверкающие линии.

Затем свист перешел в мелодичную гамму звуков, она притягивала к себе внимание, парализовывала волю. Наверное, так пели сирены в легендарном море. Ротанов сделал шаг вперед, еще один. Теперь всего несколько сантиметров отделяло его от обрыва. Он стоял и смотрел вниз, не двигаясь и ничего уже не опасаясь, потому что все время помнил о руке, прикрывшей его от взрыва.

А затем услышал голос, печальный и в то же время ласковый.

— Разве ты не устал от борьбы, от каменистых дорог?

— Нет.

— Как странно, ведь многие так ценят покой... Но не только покой я могу подарить тебе. Мои возможности не ограничены

в вашем мире. Хочешь власти? Этот напиток любит твое племя, я знаю. Хочешь власти такой, какой не знал ни один человек? Твои соплеменники обожают твою власть, ты будешь единолично управлять и распоряжаться судьбами миллиардов.

— Слишком тяжела расплата. Многие из тех, кто стремились к власти, ушли с горьким и слишком поздним сожалением о содеянном.

— О какой расплате ты говоришь?

— О бесцельно растроченных годах, об искусственной жизни вокруг, о фальшивых улыбках, притворном покорстве и рабской лести. О последнем часе, когда совесть спросит: что же ты сотворил с теми прекрасными мгновениями, подаренными тебе под жарким солнцем? Где вершины, которые ты покорил, где женщина, которую любил? Разве власть не убивает все это? Разве не требует она на свой алтарь беспрерывных и страшных жертв?

— Может, ты хочешь богатства безмерного?

— Богатство в прошлом было лишь средством к той же власти. Жадность ослепляла, заставляла безумца метаться по замкнутому кругу, навсегда делала человека рабом своей страсти. А теперь даже власти нельзя купить за все сокровища мира. То немногое, что нужно человеку для удовлетворения его собственных нужд, дарится ему природой и обществом бесплатно, как солнечный свет, как воздух. Зачем мне оно, твое богатство?

— Тогда, быть может, ты хочешь молодости, вечной жизни?

— От вечной жизни человек устанет, что же касается долгой и здоровой жизни, каждый человек хотел бы этого. Но ты потребуешь за свой дар слишком высокую цену.

— Ты упрям, человек, упрям и неразумен.

Голос перешел в протяжный свист. Странные картины рождались на поверхности радужной пленки. Он видел там самого себя в детстве и молодости, видел чужие миры, которые покорил, видел образы родных и близких ему людей. Слово зеркало собственной жизни лежало перед ним, словно озеро жадно ловило каждый отблеск мысли, стараясь понять, разобраться в глубинной сущности его поступков. Что-то грустное появилось в мелодии, прорывавшейся сквозь свист. Ротанов медленно, с трудом передвинул ноги, сделал шаг назад, еще один, еще. Спина уперлась в камень. Он нашарил рукой отверстие входа, задыхаясь, нырнул в него и нажал на кнопки. Люк захлопнулся.

— Я могу растворить эти стены в одну минуту. Ты слышишь меня, человек?

— Я слышу. Чего же ты медлишь? Я обещаю: если ты упустишь меня сейчас, я уничтожу тебя.

— Я знаю. Тебе не придется этого делать. Мир, в котором разум осознал свое назначение, священен. Я ухожу теперь, прощай.

Обессиленный, он прислонился к стене, капли пота сбегали по его лицу. За метровыми стенами из брони и камня он не мог видеть, как стремительно начало мелеть озеро, сжимаясь и откатываясь назад. Как затем медленно оторвался от планеты черный рукав, соединивший ее с коллапсирующей звездой. Слово огромный осьминог втягивал в себя свое гигантское щупальце.

С. ЧУМАКОВ — Восточнее Хоккайдо

Евгений ГУЛЯКОВСКИЙ — Долгий восход на Энне

Герберт В. ФРАНКЕ — Клетка для орхидей

Цена 60 коп.

